

Генри Райдер ХАГГАРД

ПРИНЦЕССА БААЛЬБЕКА

Серия исторических романов

Генри Райдер Хаггард
Принцесса Баальбека

«ВЕЧЕ»

1904

Хаггард Г.

Принцесса Баальбека / Г. Хаггард — «ВЕЧЕ», 1904 — (Серия исторических романов)

ISBN 978-5-4444-0097-5

Когда-то давно любимая сестра султана Саладина, повелителя Востока, сбежала с английским рыцарем и умерла на чужбине, оставив после себя дочь Розамунду. Султану снятся сны, которые все мудрецы истолковывают одинаково – грядет Третий крестовый поход, и если Розамунда окажется при дворе султана, то будут спасены сотни и тысячи жизней. Если же ее не вернут ко двору, кровопролитие неминуемо. Самые лучшие шпионы султана отправляются в Англию с тайной миссией... Роман знаменитого британского писателя сэра Генри Райдера Хаггарда рассказывает захватывающую историю из эпохи рыцарства, полную благородства, опасных интриг и ратных подвигов.

ISBN 978-5-4444-0097-5

© Хаггард Г., 1904

© ВЕЧЕ, 1904

Содержание

Об авторе	6
Пролог	8
Часть первая	10
I. В волнах Бухты Смерти	10
II. Сэр Эндрю д'Арси	18
III. Посвящение в рыцари	24
IV. Продавец вина	37
V. Рождественский праздник в Стипле	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Генри Хаггард

Принцесса Бальбека

© ООО «Издательство „Вече“», 2012

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2016

Об авторе

Генри Райдер Хаггард родился 22 июня 1856 года в Браденхеме, небольшой деревушке в графстве Норфолк на востоке Англии. Он был восьмым ребенком в большой семье адвоката сэра Уильяма Райдера Хаггарда и поэтессы Эллы Даветон. Не получив систематического образования, Генри, тем не менее, слыл любознательным юношей, проявлявшим большой интерес к отечественной истории и судьбам древних цивилизаций. Однако отец не возлагал особых надежд на сына-мечтателя. Будучи очень строгим и властным человеком, сэр Уильям отправил девятнадцатилетнего Генри, подумывавшего о женитьбе, в Африку. Разлука с любимой девушкой и несколько лет, проведенных вдали от родины на просторах таинственной полудикой страны, сформировали личность писателя, заложив основы двух главных элементов его творчества: романтизм и экзотику.

В 1875 году, получив должность секретаря при английском губернаторе южноафриканской провинции Наталь, Хаггард начинает изучать быт и нравы зулусов, много путешествуя по стране. Туземцы с симпатией относились к любознательному англичанину, прозвав его «Инданда» («Человек высокого роста и доброго нрава»). Активная деятельность Хаггарда была отмечена правительством, и в 1878 году он получает пост управителя и регистратора Верховного суда в Трансваале.

Узнав, что его невеста Лили Джексон вышла замуж за преуспевающего банкира, Хаггард возвращается в Норфолк и женится на сестре своего друга Мариане Луизе Марджитсон. Но любовь к Лили не проходит. Всю жизнь он будет страдать от этого неразделенного чувства, воплощая мечту о Лили в ярких образах героинь своих книг: Клеопатре, Аише, прекрасной Маргарет, дочери Монтесумы.

Вместе с семьей Хаггард снова уезжает в Африку, решив заняться фермерским хозяйством. Но эта идея сменяется другой. Интересные наблюдения, записываемые в дневник, приводят Хаггарда к мысли о литературной карьере. Он с головой погружается в работу и в 1885 году, вернувшись в Англию, публикует свою первую книгу – краткую историю Трансвааля. Еще два года проходят в творческих поисках, пока однажды не состоялся знаменитый спор с братом, посчитавшим, что Генри не сможет создать роман в духе «Острова сокровищ». Заключив шуточное пари на 5 шиллингов, Хаггард всего за 6 недель пишет «Копи царя Соломона», книгу, после публикации которой он, что называется, проснулся знаменитым. Роман о приключениях африканского охотника Аллана Квотермейна (альтер эго самого писателя) имел поистине феноменальный успех у читателей, незамедлительно потребовавших продолжения. К образу этого героя Хаггард возвращался не раз.

В 1887 году писатель публикует свой второй великий роман – «Она», историю бессмертной белой богини Аиши, обитающей в джунглях Африки. Эта книга вызвала массу восторгов и подражаний, записав Хаггарда в число предтеч ныне популярного жанра фэнтези.

После поездки в Египет из-под пера Хаггарда выходят еще два выдающихся романа: «Клеопатра» и «Мечта мира». Первый является весьма оригинальной трактовкой истории последней великой царицы Верхнего и Нижнего Египта. Второй рассказывает о судьбе Одиссея.

Человек неугасимой энергии, Хаггард был также известен как политический деятель и публицист. Он баллотировался в парламент, был участником и консультантом всевозможных правительственных комитетов и комиссий по делам колоний. Строгий викторианец и пылкий патриот, Хаггард всегда считал себя защитником нации и культуры. В 1912 году в награду за труды во благо Британской империи он был возведен в рыцарское звание. Скончался писатель 14 мая 1925 года в Лондоне.

Владимир Матющенко

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Г.Р. ХАГГАРДА:

- «Копи царя Соломона» (King Solomon's Mines, 1885)
- «Аллан Квотермейн» (Allan Quatermain, 1887)
- «Она» (She: A History of Adventure, 1887)
- «Клеопатра» (Cleopatra, 1889)
- «Мечта мира» (The World's Desire, 1890)
- «Дочь Монтесумы» (Montezuma's Daughter, 1893)
- «Принцесса Баальбека» (The Brethren, 1904)
- «Прекрасная Маргарет» (Fair Margaret, 1907)
- «Она и Аллан» (She and Allan, 1921)

Пролог

Салахеддин, повелитель верных, султан, сильный в помощи, властитель Востока, сидел ночью в своем дамасском дворце и размышлял о чудесных путях Господа, который поднял его на высоту. Султан вспомнил, как в те дни, когда он еще был малым в глазах людей, Нуреддин, властитель Сирии, приказал ему сопровождать своего дядю, Скиркуха, в Египет, куда он и двинулся, как бы ведомый на смерть, и как против воли он достиг там величия. Он подумал о своем отце, мудром Эюбе, о сверстниках-братьях, из которых умерли все, за исключением одного, и о любимой сестре. Больше всего думал он о ней, Зобеиде, сестре, увезенной рыцарем, которого она полюбила, полюбила до готовности погубить свою душу; да, о сестре, украденной англичанином, другом его юности, пленником его отца, сэром Эндрю д'Арси. Увлеченный любовью, этот франк нанес тяжкое оскорбление ему и его дому. Салахеддин тогда поклялся вернуть Зобеиду обратно, хотя бы из Англии, и даже составил план убить ее мужа и захватить ее, но, подготовив все, узнал, что она умерла. После нее осталась малютка, по крайней мере, так донесли ему его шпионы, и он рассчитал, что, если дочь Зобеиды жива, она теперь стала взрослой девушкой. И его мысль со странной настойчивостью возвращалась к незнакомой племяннице, своей ближайшей родственнице, хотя в жилах ее и текла наполовину английская кровь.

От далеких, полузабытых воспоминаний мысль султана перешла на бедствия, на потоки крови, среди которых протекли его дни, на последнюю борьбу между последователями пророков Иисуса и Магомета, на будущий джихад (священную войну), к которой готовился он. Тут Салахеддин вздохнул, потому что был милосерд и не любил кровопролитий, хотя жестокая религия и вовлекала его то в одну, то в другую войну.

Салахеддин заснул и увидел во сне мир. В грезах какая-то девушка подошла к нему и подняла свое покрывало; перед ним стояла красавица, с чертами лица, походившими на его собственные, но более красивыми, и он узнал в ней дочь своей сестры, бежавшей с английским рыцарем. Он удивился, почему она явилась к нему, и во сне попросил Аллаха объяснить ему это. Тогда вдруг он увидел, что та же самая женская фигура стоит в долине Сирии, а по обе стороны от нее виднеются бесчисленные орды сарацин и франков, и он знает, что тысячи и десятки тысяч этих людей обречены на смерть. Что это? Он, Салахеддин, с обнаженной саблей выезжает перед войском, но девушка подняла руку и остановила его.

– Что ты делаешь здесь, племянница? – спросил он.

– Я пришла, чтобы с твоей помощью спасти многие жизни, – ответила она, – для этого я была рождена от твоей крови, для этого я и послана к тебе. Опusti оружие, султан, и пощади их.

– Скажи же, девушка, какой выкуп ты дашь за спасение этой толпы? Какой выкуп и какой дар?

– Выкуп – моя собственная кровь, которую добровольно отдаю, дар Божий – мир твоей грешной душе, о султан!

И, протянув руку, девушка наклонила его наточенную саблю, и острие оружия дотронулось до ее груди.

Салахеддин проснулся; странный сон изумил его, но он никому ничего не сказал. На следующую ночь повторились те же грезы, и воспоминание о сновидении не оставляло его весь следующий день, но опять он ничего не сказал.

Когда же в третью ночь тот же сон приснился ему еще живее, он убедился, что сам Бог послал ему это видение, потребовал к себе своих имамов и снотолкователей и стал держать с ними совет. Выслушав его, помолвившись и поговорив между собой, они сказали:

– О султан, вызвав тени, Аллах предупредил тебя, что девушка, твоя племянница, живущая далеко, в Англии, благородством души и самопожертвованием в неопределенном буду-

щем избавит тебя от пролития целого моря крови и принесет стране покой. Поэтому привлеки ее к своему двору, постоянно держи при себе, потому что, если она уйдет от тебя, мир уйдет вместе с нею.

Салахеддин сказал, что это толкование сна мудро и истинно, потому что он и сам так понял свои грезы. Потом он потребовал к себе одного предателя-рыцаря, носившего на груди крест, но втайне принявшего ислам, своего франкского шпиона, приехавшего из той страны, в которой жила дочь Зобеиды, и расспросил его о ней самой, о ее отце и доме. С ним, с другим своим разведчиком, считавшимся христианским пилигримом, и с принцем Гассаном, одним из величайших и самых доверенных его эмиров, Салахеддин составил хитрый план захватить девушку в плен, если бы она не согласилась добровольно приехать в Сирию.

Кроме того, желая, чтобы ее положение было достойно ее высокого происхождения и судьбы, он декретом возвел никогда не виданную им племянницу в сан принцессы Баальбекской, сделал ее владелицей больших земель, которыми до нее правил ее дед Эюб и ее дядя Изэ-дип. Он купил могучую военную галеру, наполнил ее опытными моряками и отборными воинами, отдав их под команду принца Гассана, написал письмо английскому лорду сэру Эндрю д'Арси и его дочери и приготовил для нее царственный подарок. Он приказал своим посланцам постараться уговорить девушку уехать в Сирию, а если это не удастся, захватить ее силой или хитростью, но прибавил, что без нее никто не должен осмелиться снова взглянуть ему в лицо. В Англию он послал также двоих франкских шпионов, знавших место, где жила знатная девушка; один из них – предатель-рыцарь – был опытным моряком и капитаном корабля.

Вот что сделал Салахеддин и стал терпеливо ждать, чтобы Господь пожелал исполнить видение, которым Он во сне заполнил его душу.

Часть первая

І. В волнах Бухты Смерти

С гребня старинной стены на Эссекском берегу Розамунда, повернув лицо к востоку, смотрела на океан. Справа и слева, но немного позади нее, точно стражи при своей госпоже, стояли ее двоюродные братья-близнецы Годвин и Вульф, высокие статные молодые люди. Годвин был недвижим, как статуя; его сложенные руки лежали на рукоятке длинного, спрятанного в ножны меча, острие которого опиралось в землю; брат же его Вульф беспокойно шевелился, наконец громко зевнул. Красивы были они; полным расцветом молодости и здоровья сияли все трое: царственная Розамунда с темными волосами и глазами, с кожей белой, как слононая кость, с тонким станом, с букетом желтых луговых цветов в руке; бледный, статный Годвин с задумчивым лицом и воинственный Вульф с мужественным челом и с синими глазами – саксонец до конца ногтей, несмотря на нормандскую кровь своего отца.

Услышав незаглушенный зев, Розамунда повернула голову с медлительной грацией, которой отличались все ее движения.

– Неужели вы уже хотите спать, Вульф, хотя солнце еще не зашло? – спросила она своим богатым, низким голосом, который благодаря чужеземному акценту казался непохожим на все остальные женские голоса.

– Кажется, да, Розамунда, – ответил он. – Сон помог бы скоротать время. Ведь теперь вы перестали собирать желтые цветы, за которыми мы приехали издалека, и оно тянется слишком долго.

– Стыдитесь, Вульф, – с улыбкой сказала она. – Посмотрите на море и на небо, на эту чудную пелену, сверкающую золотом и пурпуром.

– Я пристально смотрел на нее с полчаса, кузина Розамунда, а также на вашу спину, на левую руку Годвина и на его профиль, смотрел так долго, что мне, право, представилось, будто я стою на коленях в приорстве Стенгет и рассматриваю каменное изображение моего отца в то время, как приор Джон служит мессу. Если поставить статую на ноги – увидишь Годвина; те же скрещенные руки на рукоятке меча, то же холодное молчаливое лицо с глазами, поднятыми к небу.

– Да, это Годвин, каким он будет когда-нибудь, будет, если святые позволят ему совершить такие же деяния, какие исполнил наш отец, – прервал его брат.

Вульф посмотрел на него, и странное вдохновение вдруг заблестело в его синих глазах.

– Нет, я думаю, ты не будешь таким, – сказал он. – Может быть, ты совершишь не меньшие подвиги и даже более великие, но, конечно, в последний раз ты ляжешь, завернутый не в кольчугу, а в монашескую рясу, если только женщина не помешает тебе пойти по этой кратчайшей дороге к небесам. Скажите же мне, о чем вы думаете оба? Я спрашивал себя об этом, и мне любопытно узнать, насколько я был далек от истины? Говорите первая вы, Розамунда. Ну, конечно, не всю правду – мысли девушки принадлежат только одной ей, – откройте лишь сливки их, то есть те думы, которые можно, так сказать, снять.

Розамунда вздохнула:

– Я, я думала о Востоке, где вечно светит солнце, небо голубое, как камни на моем поясе, а умы людей полны странной ученостью.

– И где женщины – рабыни мужчин, – прервал ее Вульф. – Однако естественно, что вы думали о Востоке, ведь в ваших жилах течет отчасти восточная кровь, и кровь очень благородная, если рассказывают правду. Скажите, принцесса... – И он немного насмешливо преклонил перед ней колено, хотя насмешка не могла скрыть его серьезного почтения. – Скажите, прин-

песса, моя кузина, внучка Эюба и племянница могучего монарха Салахеддина, не желаете ли вы покинуть нашу бедную страну и осмотреть ваши владения в Египте и Сирии?

Она выслушала его, и ее глаза загорелись пламенем, статная фигура выпрямилась, грудь начала высоко подниматься, а тонкие ноздри расширились, точно вдыхая сладкий, знакомый аромат. Действительно, в эту минуту Розамунда казалась настоящей королевой.

На вопрос Вульфа она ответила вопросом:

– А как, Вульф, встретят там меня, нормандку д'Арси и христианку?..

– Первое они простят вам, потому что ваша нормандская кровь совсем не так уж дурна; что же касается до второго... Ну, ведь веру можно и переменить.

Теперь заговорил Годвин, заговорил в первый раз.

– Вульф, Вульф, – сурово произнес он, – следи за тем, что болтает твой язык, потому что некоторых вещей нельзя говорить даже в виде глупой шутки. Видишь ли, я люблю нашу двоюродную сестру больше, чем кого бы то ни было на земле...

– По крайней мере, в этом мы сходимся, – перебил его Вульф.

– Больше, чем кого бы то ни было на земле, – продолжал Годвин, – но клянусь святой кровью и святым Петром, близ церкви которого мы стоим, я убил бы ее собственной рукой, раньше чем ее губы коснулись бы книги лжепророка.

– Вы понимаете, Розамунда, – насмешливо сказал Вульф, – что вам нужно быть осторожной; Годвин всегда держит данное слово, а такая смерть была бы жалким концом для существа высокого рождения, одаренного большой красотой и умом.

– О, перестаньте насмехаться, Вульф, – заметила молодая девушка, касаясь его туники, под которой скрывалась кольчуга. – Перестаньте смеяться и попросите святого Чеда, строителя этой церкви, чтобы ни мне, ни вашему любимому брату, который действительно хорошо поступил бы, убив меня в подобном случае, не представилось бы такого ужасного выбора.

– Ну, если бы это случилось, – ответил Вульф, и его красивое лицо вспыхнуло, – я думаю, мы знали бы, как поступать. Впрочем, разве уж так трудно сделать выбор между смертью и долгом?

– Не знаю, – ответила она, – часто жертва кажется легкой, пока смотришь на нее издали... А потом ведь иногда теряешь именно то, что дороже жизни...

– Что именно? Вы говорите о землях, богатстве или... любви?

– Скажите, – спросила Розамунда, меняя тон, – что там за лодка, которая идет в устье реки? Несколько времени тому назад она не двигалась; весла были подняты, казалось, пловцы наблюдали за нами.

– Рыбаки, – беспечно ответил Вульф. – Я видел их сети.

– Да, но под сетями что-то блеснуло, точно мечи.

– Рыбы, – сказал Вульф, – у нас в Эссексе мир. – И хотя Розамунда не казалась убежденной, он продолжал: – Ну а о чем думал Годвин?

– Если тебе угодно знать это, брат, я тоже думал о Востоке и о восточных войнах.

– Они не принесли нам большого счастья, – сказал Вульф. – Ведь наш отец был убит там, и сюда вернулось только его сердце, которое лежит там, в Стенгете.

– Разве он мог бы умереть лучшей смертью, – спросил Годвин, – нежели сражаясь за Крест Христов? Разве о его кончине не рассказывают до сих пор? Клянусь Богоматерью, я молю Бога, чтобы он послал мне хотя бы вполовину такой же славный конец!

– Да, он умер хорошо, – сказал Вульф, и его синие глаза блеснули, а рука потянулась к рукоятке меча. – Но, брат, в Иерусалиме такой же мир, как и в Эссексе.

– Мир? Да, но, думаю, на Востоке снова вспыхнет война. Монах Петр, тот, которого мы видели в прошедшую субботу в Стенгете, покинул Сирию шесть месяцев тому назад, он сказал мне, что дело быстро подвигается к этому. Уже и теперь султан Саладин, засевший в своем Дамаске, отовсюду созывает войска, а его священники проповедуют войну племенам

Востока и восточным баронам. А неужели, брат, если начнется борьба за крест, мы не примем в ней участия, как наши деды, отцы, дядя и столько членов нашего рода? Неужели останемся прозябать здесь, в этой тусклой стране, как прозябали многие годы по желанию нашего дяди со дня возвращения из Шотландии, будем считать наш скот, возделывать пахотные поля, как крестьяне, зная, что в это время люди, равные нам, бьются с язычниками, знамена развеваются и красная кровь орошает святыне пески Палестины?

Теперь вспыхнула душа Вульфа.

– Клянусь Богоматерью на небе и нашей дамой на земле, – сказал он, взглянув на Розамунду, которая смотрела на братьев спокойным, задумчивым взглядом, – иди на войну, когда тебе вздумается, Годвин, я тоже пойду с тобой, и как мы родились в один и тот же час, так пусть и умрем в одну и ту же минуту.

Его рука, игравшая мечом, быстро обнажила длинное тонкое лезвие и высоко подняла его, сталь вспыхнула в лучах солнца, и Вульф голосом, который заставил диких птиц тучей подняться с воды, повторил старинный боевой клич д'Арси, звучавший на стольких полях битв: «Д'Арси, д'Арси! Против д'Арси – против смерти!» Потом он снова спрятал меч в ножны и прибавил смущенным голосом:

– Разве мы дети, что бьемся там, где нет врагов? А все же, брат, хотелось бы поскорее встретиться с неприятелем.

Годвин мрачно улыбнулся, но ничего не ответил, зато Розамунда сказала:

– Значит, кузены, вы хотели бы уехать, чтобы, может быть, не вернуться больше? И разлучиться со мной! Но, – ее голос слегка дрогнул, – таков удел женщины, мужчина любит обнаженный меч больше всего; впрочем, будь иначе, я думала бы о вас хуже. А между тем, не знаю почему, – и она слегка вздрогнула, – я сердцем чувствую, что небо часто исполняет такие молитвы. О Вульф, сейчас в свете заката ваш меч казался красным.

Я говорю, что он казался очень красным в свете солнца. Мне страшно, я сама не знаю чего. Ну, пойдемте, ведь до Стипля девять миль, а скоро стемнеет. Только прежде, братья, войдемте в церковь и помолимся святому Петру и святому Чеду, чтобы они охраняли нас во время нашего пути.

– Путь? – спросил Вульф. – Чего вы можете бояться во время девятимильной поездки по берегу Черной реки?

– Я говорила о пути, Вульф, который окончится не в Стипле, а там. – И она подняла руку, указывая на спокойно темневшее небо.

– Хороший ответ, – сказал Годвин, – особенно хорошо звучит он здесь, в этом старинном месте, откуда столько людей отправилось на покой: множество римлян, которые умерли, когда эти стены были их крепостью, множество саксонцев, явившихся после них, и еще многие, многие, многие...

Они вошли в старинную церковь, в один из первых храмов, выстроенных в Британии, сложенный из римских глыб руками Чеда, саксонского святого, который жил более чем за сто лет до дней Розамунды и ее двоюродных братьев. Все трое опустились на колени перед простым алтарем; молодые люди и Розамунда помолились каждый по-своему, потом перекрестились и пошли к лошадям, привязанным под соседним навесом.

В Гол-Стиплъ шли две дороги, вернее, две тропинки: одна уходила на милю в глубь страны и вела через деревню Бредуэль, другая, более краткая, бежала по берегу Сальтингса, в полосе воды, известной под именем Бухты Смерти: ехавшему в Стиплъ этой дорогой приходилось повернуть от залива, оставив справа аббатство Стенгет. Братья-близнецы и Розамунда выбрали последний путь, потому что во время отлива он был удобен для лошадей. Им также хотелось вернуться домой к ужину, чтобы старый рыцарь, сэр Эндрю д'Арси, отец Розамунды и дядя близнецов, не имевших ни отца, ни матери, не стал тревожиться и, чего доброго, не выехал бы искать их.

С полчаса или больше они двигались по берегу Сальтингса, большей частью молча, тишина прерывалась только криками морской птицы да плеском волн. Нигде не виднелось ни одного человеческого существа: это было унылое, уединенное место, и только рыбаки время от времени показывались в нем. Как раз в ту минуту, когда солнце уже стало погружаться в море, трое д'Арси подъехали к берегу Бухты Смерти, во время прилива вдававшейся в сушу мили на две; она постепенно сужалась, но при основании достигала приблизительно трех ярдов ширины. Молодая девушка и ее двоюродные братья ехали на отличных лошадях. Большой серый конь Розамунды, подарок ее отца, славился в окрестностях быстротой, силой и таким послушанием, что любой ребенок мог ездить на нем; лошади Годвина и Вульфа, тяжелые, прекрасно выезженные боевые кони, были приучены стоять там, где их оставили, бросаться вперед, когда этого требовали их седоки, не страшась ни криков людских, ни блещущей стали.

Вот как располагалась местность. Приблизительно в семидесяти ярдах от берега Бухты Смерти и параллельно ему тянулась коса, покрытая кустами и немногими редкими дубами. Она выходила в Сальтингс, и ее мыс кончался тропинкой, по которой ехали д'Арси. В промежутке между косой и берегом Бухты Смерти дорога сворачивала к холмам. Этот старинный путь был проложен римлянами или другими давно умершими работниками и подводил к выстроенному ими узкому молу длиной ярдов в пятьдесят и сложенному из неотесанного камня в воде бухты, вероятно, для удобства рыбацких лодок, которые могли стоять вдоль этой насыпи даже во время отлива. Мол сильно пострадал; в течение столетий волны размывали его, и теперь его конец лежал под водой, часть же, примыкавшая к суше, хорошо сохранилась и была достаточно высока. Когда всадники проезжали через маленькую возвышенность в конце покрытой лесом косы, быстрые глаза Вульфа, который двигался впереди всех (здесь тропинка шла по болоту и была так узка, что пришлось ехать гуськом), заметили большую пустую рыбацью лодку, привязанную к железному кольцу в стенке мола.

– Ваши рыбаки высадились, Розамунда, – сказал он, – и, конечно, отправились в Бредуель.

– Странно, – с беспокойством заметила она, – сюда никогда не приезжают рыбаки. – И она остановила свою лошадь, точно собираясь повернуть ее.

– Так это или нет, но они ушли, – сказал Годвин, наклоняясь вперед, чтобы оглядеться, – во всяком случае, нам нечего бояться пустой лодки, поедem же дальше.

Они без труда достигли каменной насыпи или мола, но в этом месте какой-то шум, раздавшийся позади, заставил оглянуться всех троих. Д'Арси увидели картину, от которой кровь прилила им к сердцу. На узкую тропинку, один за другим, вышло человек восемь с обнаженными мечами в руках; у всех, как заметили путники, лица были закрыты надетыми под шлемы или кожаные шапки полотняными полосами с прорезями для глаз.

– Засада, засада! – крикнул Вульф, обнажая меч. – Скорее за мной на дорогу в Бредуель! – И он прищпорил лошадь. Конь бросился вперед, но в следующее мгновение сильная рука заставила его присесть. – Помилуй бог, – вскрикнул Вульф, – тут еще!

И действительно, другой отряд воинов с оружием и с закрытыми лицами выбежал на бредуельскую тропинку, во главе их виднелся плотный человек, по-видимому, вооруженный только длинным кривым ножом, висевшим на его поясе, и одетый в цепную кольчугу, которая проглядывала через открывшуюся тунику.

– К лодке, – крикнул Годвин, но, услышав это, толстый человек засмеялся резким, пронзительным смехом. Даже в эту минуту все трое расслышали его.

Они поехали по молу, потому что им некуда было больше свернуть: обе дороги преграждали люди. Когда они подъехали к лодке, им стало понятно, почему смеялся плотный воин: она стояла на толстой цепи, которую нельзя было перерубить; кроме того, парус и весла исчезли из нее.

– Плывите в ней, – прозвучал насмешливый голос одного из спутников толстяка, – или, по крайней мере, пусть ваша дама войдет в нее, тогда нам не придется нести ее в ладью...

Розамунда страшно побледнела, лицо Вульфа то вспыхивало, то бледнело, его рука сжимала меч. Годвин, спокойный, как всегда, проехал несколько шагов вперед и произнес:

– Скажите, чего вы хотите от нас? Денег? У нас их нет, с нами только лошади и оружие, но то и другое будет дорого стоить вам.

Человек с кривым ножом вышел немного вперед в сопровождении высокого гибкого слуги или оруженосца, которому шепнул несколько слов на ухо.

– Мой господин находит, – ответил высокий воин, – что у вас есть нечто драгоценнее королевского золота – красавица, которую с нетерпением ждут в одном месте. Отдайте ее нам, а потом уезжайте на ваших конях и с вашим оружием, вы – храбрые молодые люди, и мы не желаем проливать вашу кровь.

Теперь наступила очередь братьев рассмеяться.

– Отдать вам ее, – воскликнул Годвин, – и с бесчестьем продолжать наш путь? Хорошо, мы отдадим ее с нашим последним вздохом, но не раньше. Куда же вы хотите отвезти леди Розамунду?

Те снова шептались.

– По словам моего господина, – послышался ответ, – всякий, кто ее видит, поддается очарованию, но особенно ее ждут в доме рыцаря Лозеля.

– Рыцарь Лозель! – прошептала Розамунда и побледнела еще сильнее.

Этот Лозель был очень могущественным человеком и уроженцем Эссекса. Он владел кораблями, о его подвигах на море и на Востоке рассказывали нехорошие вещи. Он однажды просил руки Розамунды и, получив отказ, наговорил таких угроз, что Годвин, как старший из близнецов, вызвал его на бой, бился с ним и ранил его. После этого Лозель исчез неизвестно куда.

– Значит, сэра Гюга Лозеля среди вас? – спросил Годвин. – И замаскирован, как все вы, обыкновенные трусы? Если так, я желаю встретиться с ним лицом к лицу и закончить дело, которое начал в снегу, на Рождество, двенадцать месяцев тому назад.

– Узнайте его, если можете, – ответил высокий человек.

Вульф же произнес сквозь сжатые зубы:

– Брат, я вижу только одну возможность прорваться. Мы должны поставить серого Розамунды между нашими конями и ударить на врагов.

Предводитель отряда как бы угадал их мысль; он снова наклонился к уху своего спутника, и тот громко произнес:

– Мой господин говорит, что с вашей стороны безумно стараться пробиться сквозь наши ряды; мы будем бить ваших лошадей и ловить их петлями, а между тем жаль губить таких славных коней. Когда же вы упадете, мы без труда захватим вас. Лучше сдайтесь, вы можете сделать это без стыда, ведь вам спасения нет, и два рыцаря, хотя бы очень храбрых, не в состоянии выдержать борьбу с целой толпой. Мой господин дает вам одну минуту.

Розамунда в первый раз заговорила:

– Двоюродные братья, прошу вас, не отдавайте меня живой в руки сэра Гюга Лозеля и этих людей. Лучше пусть Годвин убьет меня, чтобы избавить от ужасной участи, как он хотел сделать это ради спасения моей души, сами же постарайтесь прорваться сквозь ряды врагов и живите, чтобы отомстить за меня.

Братья ничего не ответили: они только посмотрели на воду, потом переглянулись между собой, слегка кивнув друг другу головами. Снова заговорил Годвин, потому что теперь, когда дело дошло до борьбы за жизнь и за даму, язык Вульфа, который обыкновенно двигался с такой легкостью, стал странно молчалив.

– Слушайте, Розамунда, – сказал Годвин. – Вы можете спастись только одним способом, я предложу вам отчаянное средство, но вам придется выбирать или его, или плен, так как убить вас мы не можем. Ваш серый конь верный и сильный. Поверните его, пришпорьте и заставьте войти в воду Бухты Смерти. Пустите лошадь вплавь. Залив широк, но волны помогут вам, и, может быть вы не утонете.

Розамунда, слушая, взглянула на лодку. Тогда Вульф обратился к ней с решительными словами:

– Поезжайте, мы задержим ладью.

Она услышала, ее темные глаза наполнились слезами, ее гордая головка на мгновение склонилась почти к самой гриве серого.

– О, мои рыцари, мои рыцари, – сказала она. – Вы умрете за меня! Хорошо. Если так угодно Господу Богу – да свершится! Но клянусь, если вы умрете, я не взгляну ни на кого, я буду жить воспоминанием о вас. Если же вы...

– Благословите нас, и в путь, – сказал Годвин.

Тихими святыми словами она благословила братьев, круто повернула серую лошадь, вонзила шпору в ее бок и помчалась в глубокую воду. На мгновение конь остановился, потом сделал большой прыжок. Он погрузился глубоко, но ненадолго; вот голова его наездницы показалась на поверхности, и, снова сев в седло, с которого волна смыла ее, Розамунда направила лошадь к далекому берегу. Крик изумления сорвался с губ грабителей; они не думали, что молодая девушка решится на такой отважный поступок. А братья засмеялись, видя, что серый плывет хорошо, соскочили с седел, пробежали шагов восемьдесят по молу, к самому узкому его месту, по дороге сорвав с себя плащи и обернув ими левые руки вместо щитов.

В отряде послышались мрачные проклятия, предводитель дал шепотом какое-то приказание своему переводчику, и тот громко закричал:

– Убейте их и в лодку! Мы должны догнать ее раньше, чем она доберется до берега или утонет.

Нападающие колебались; глаза воинов, преграждавших путь, говорили о ранах и смерти. Наконец замаскированные стали карабкаться на необделанные камни. Но мол был так узок, что, пока силы двух братьев не истощились, они могли биться, как двадцать человек; к тому же топь и вода мешали напасть на них с той или другой стороны. Итак, разбойникам в конце концов пришлось биться по двое против двоих д'Арси, и Вульф с Годвином были наиболее сильными из сражающихся. Их длинные мечи блеснули, взвились и опустились, и, когда Вульф поднял свое лезвие, оно было красно, как в ту минуту, когда он взмахнул им в багровых лучах заката. Раздался плеск воды, человек упал в тину и лежал там, умирая.

Противник Годвина тоже упал, как казалось, убитый.

После этого, шепнув друг другу несколько слов, братья, не дожидаясь нового нападения, сами бросились вперед. Волнующаяся толпа увидела, что они приближаются, двинулась прочь, но раньше, чем замаскированные прошли ярд, у них в тылу заработали мечи. Раздались страшные проклятия; ноги нескольких воинов попали в расщелины между камнями, и они упали ничком. В смятении троих столкнули в воду; двое утонули в тине, третий еле-еле добрался до берега, остальные бежали с мола. Двое были убиты, трое лежали на земле, пробовали встать и начать биться, но полотняные маски спустились им на глаза, и их удары не могли попасть в цель, между тем длинные мечи братьев падали на шлемы и кольчуги, точно молоты кузнецов на наковальни. Наконец их противники, умолкшие и неподвижные, замерли навсегда...

– Назад! – крикнул Годвин. – Здесь мол слишком широк, и они могут обойти нас.

И д'Арси стали медленно отступать лицом к врагу, остановились они против первого человека, которого, казалось, убил Годвин. Он лежал лицом кверху, с раскинутыми руками.

– До сих пор все шло хорошо, – с коротким смехом заметил Вульф. – Ты ранен?

– Нет, – ответил Годвин. – Только не хвались до конца битвы; их еще много, но они, конечно, не пойдут сюда. Дай бог, чтобы у них не было копий или луков.

Он оглянулся; вдали от берега спокойно плыл серый, а на нем сидела Розамунда. Молодая девушка видела все, потому что ее лошадь плыла немного наискось, и вот она сняла с шеи платочек и махнула им братьям. Они поняли, что она гордится их подвигом и благодарит святых за то, что они уже успели совершить такие деяния ради нее.

Годвин был прав: хотя начальник давал суровые приказания своим людям, отряд не подходил близко к ужасным мечам, замаскированные искали валунов, чтобы осыпать ими д'Арси. Но на земле лежало больше ила, чем булыжников, а камни, служившие материалом для мола, были слишком тяжелы и велики. Воины нашли только несколько валунов, бросили ими в д'Арси, но булыжники или не попадали в братьев, или не приносили им большого вреда. Немного времени спустя человек, которого звали начальником, что-то сказал солдатам через своего помощника. Несколько воинов отбежали в заросли терний и вернулись оттуда с длинными веслами.

– Они хотят бить нас веслами. Что нам делать, брат? – спросил Годвин.

– Сделаем все, что возможно, – ответил Вульф. – Впрочем, то, что случится дальше, теперь неважно, если только воды моря пощадят Розамунду. Вряд ли враги настигнут ее: после того, как убьют нас, им еще придется отвязать лодку, сесть в нее и отчалить.

Вдруг Вульф услышал за собой какой-то шорох: Годвин внезапно вскинул руки и упал на колени. Вульф отступил: человек, которого они считали мертвым, живой и здоровый, стоял, держа окровавленный меч. Вульф кинулся на него и нанес ему несколько жестоких ударов, первый же из них отделил лезвие его меча от рукоятки, второй разорвал кольчугу и глубоко вонзился в его бок, на этот раз он упал, чтобы уже никогда не подняться. Вульф взглянул на брата, кровь заливала лицо Годвина, слепила его глаза.

– Спасайся, Вульф, мне же пришел конец, – прошептал он.

– Нет, тогда бы ты не говорил. – И Вульф, обняв брата, поцеловал его в лоб.

Новая мысль пришла ему в голову. Он, как ребенка, поднял Годвина, подбежал к тому месту, где стояли лошади, и вскинул его на седло.

– Держись крепче, – крикнул он, – держись за гриву и луку. Сохрани присутствие духа, держись крепче; я все-таки спасу тебя.

Накинув поводья на левую руку, Вульф вскочил на свою собственную лошадь и повернул ее. Прошло секунд десять, вооруженные веслами пираты, которые собрались к месту разветвления двух тропинок, вдруг увидели больших коней, безумно мчавшихся прямо на них.

На одном покачивался жестоко раненный человек со светлыми волосами, запятнанными кровью, держась руками за гриву и седло, на другом сидел воин Вульф, с расширенными глазами, с лицом, похожим на лик огня. Он потрясал своим красным мечом и вторично в этот день выкрикивал:

– Д'Арси, д'Арси! Против д'Арси – против смерти!

Враги увидели братьев, закричали, столпились и подняли весла, чтобы встретить всадников. Но Вульф жестоко прищипорил коня, и, хоть путь был короток, тяжелые лошади, выдрессированные для турниров, уже скакали с огромной скоростью. Вот они близко. Весла откатнулись в сторону, точно тростники; засверкали мечи, и Вульф почувствовал, что он ранен, но куда, не понял. Его меч тоже блеснул, блеснул всего раз; второго удара не успел он нанести – его противник упал, как пустой мешок.

Святой Петр! Они промчались через толпу. Годвин все еще качался на седле, а там вдали, приближаясь к берегу, серая лошадь боролась с волнами. Они пробились. Перед глазами Вульфа расплывалось красное пятно, ему казалось, будто земля поднимается им навстречу, и все кругом пылает, как огонь.

Позади затихли крики, теперь слышался только один звук: конский топот. Потом и топот ослабел, замер в отдалении – и молчание и тьма окутали сознание Вульфа.

II. Сэр Эндрю д'Арси

Годвину снится, что он умер, что где-то внизу, под ним, плывет мир, что сам он, распростертый на ложе из черного дерева, несется в черной мгле и что его охраняют двое светлых стражей.

«Это ангелы-хранители», – думается ему.

Время от времени появляются и другие духи и спрашивают ангелов, сидящих у него подле изголовья и в ногах:

– Грешила ли эта душа?

И слышится ответ ангела, сидевшего при изголовье:

– Грешила.

И снова спросил голос:

– Умер ли он свободным от грехов?

– Он умер несвободным, с красным поднятым мечом, но погиб во время славной битвы.

– Во время битвы за Крест Христов?

– Нет, за женщину.

– Увы, бедная душа, грешная, несвободная, она погибла ради земной любви. Может ли он заслужить прощение? – несколько раз повторил с грустью вопрошающий голос, становясь все слабее и слабее; наконец он затерялся вдали.

Зазвучал новый голос, голос отца Годвина, никогда не виданного им воителя, который пал в Сирии. Годвин тотчас же узнал его; у видения было лицо, высеченное из камня, как на гробнице в церкви Стенгет, на его кольчуге виднелся кроваво-красный крест, на щите красовался герб д'Арси, а в руках блестел обнаженный меч.

– Это ли душа моего сына? – спросил он у стражей, облаченных в белые одежды. – Если да, то как умер он?

Тогда ангел, бывший в ногах ложа, ответил:

– Он умер с красным поднятым мечом, умер во время честного боя.

– Он бился за Крест Христов?

– Нет, за женщину.

– Он бился за женщину, когда должен был пасть в святой войне! Увы, бедный сын! Увы, значит, нам нужно снова расстаться, и теперь навсегда.

Этот голос тоже замер.

Что это? Сквозь тьму двигалось великое сияние, и ангелы, сидевшие в ногах и при изголовье ложа, поднялись и приветствовали великий свет своими пламенными копьями.

– Как умер этот человек? – спросил голос, звучавший из сияния, голос глухой и страшный.

– Он умер от меча, – ответил ангел.

– От меча врагов небес? Он бился в войне небес?

Но ангелы молчали.

– Нет до него дела небу, если он бился не за небо, – снова сказал голос.

– Пощади его, – заступились хранители, – он был молод и храбр и не знал истины! Верни его на землю, чтобы он очистился от грехов, позволь нам снова охранять его.

– Да будет так, – провещал голос. – Живи, но живи, как рыцарь небес, если ты хочешь достигнуть неба!

– Должен ли он отказаться от земной любви и земных радостей? – спросили ангелы.

– Этого я не сказал, – ответил голос, вещавший из сияния.

И странное видение исчезло.

Полное отсутствие сознания, потом Годвин очнулся и услышал другие голоса, голоса человеческие, горячо любимые, хорошо памятные. Увидел он также наклонившееся над ним лицо – лицо самое человеческое, самое любимое, самое памятное, с чертами Розамунды. Он пролепетал несколько вопросов, ему принесли поесть и велели заснуть, и он заснул. Так продолжалось много времени. Пробуждение и сон, сон и пробуждение. Наконец однажды утром Годвин проснулся по-настоящему в маленькой комнате, которая приходилась рядом с соларом, гостиной Холля в Стипле; здесь братья спали с тех пор, как дядя взял их к себе. Против Годвина на кровати-козлах сидел Вульф с перевязанными рукой и ногой; подле него стоял костыль. Он немного побледнел и похудел, но это был все тот же веселый, беспечный Вульф, лицо которого по временам умело принимать ожесточенное выражение.

– Я все еще грежу, брат, или это действительно ты?

Лицо Вульфа просветлело, и он счастливо улыбнулся: теперь он знал, что Годвин действительно пришел в себя.

– Ну, конечно, я, – ответил Вульф, – у привидений не бывает хромых ног; раны – дары мечей и людей.

– А Розамунда? Что случилось с Розамундой? Переплыл ли серый через залив, и как мы вернулись сюда? Расскажи мне обо всем скорее, скорее!

– Она сама скажет тебе все. – И, проковыляв до занавеси в двери, Вульф крикнул: – Розамунда, моя... нет, наша кузина Розамунда, Годвин очнулся! Слышите, Годвин очнулся и хотел бы поговорить с вами.

Зашелестело платье, зашуршали камыши, которые устилали пол, и вот Розамунда, по-прежнему красивая, но в эту минуту от радости забывшая всю свою важность, вошла в комнату. Она увидела исхудавшего Годвина, который сидел на постели с блеском в серых глазах, сверкавших на бледном лице. У Годвина были серые глаза, у Вульфа – голубые; только это одно различие между братьями заметил бы посторонний человек, хотя, в сущности, губы Вульфа были полнее, чем у Годвина, а подбородок очерчен более резко; кроме того, он был ростом гораздо выше брата. Розамунда с легким восклицанием восторга подбежала к Годвину, обвила руками его шею и поцеловала в лоб.

– Осторожнее, – резко сказал Вульф, отворачиваясь. – Не то, Розамунда, перевязки ослабеют, и он снова начнет страдать; он и так достаточно потерял крови.

– Тогда я поцелую руку, которая спасла меня, – произнесла она и, исполнив сказанное, прижала бледную кисть Годвина к своему сердцу.

– Моя рука тоже принимала некоторое участие в этом деле, только, помнится, вы не целовали ее, кузина. Ну ничего, я тоже поцелую его. Слава Господу, Святой Деве, святому Петру, святому Чеду и всем другим святым, имен которых я не помню, слава за то, что они с помощью Розамунды, молитв приора Джона, братии стенгетского монастыря и Матью, деревенского священника, спасли моего брата. Мой горячо любимый брат!

И, подойдя к кровати Годвина, Вульф обнял и несколько раз поцеловал его.

– Осторожнее, – сухо заметила Розамунда, – не то, Вульф, вы сдвинете повязки, а он и так уже потерял достаточно крови.

Раньше чем Вульф успел ответить, раздался звук медленных шагов, занавесь откинулась в сторону, и высокий рыцарь с благородной осанкой вошел в маленькую комнату. Он был стар, но казался еще старше своих лет, так как горе и болезни истощили его. Снежно-белые волосы падали ему на плечи. Его лицо было бледно, заострившиеся черты казались как бы тонко выточенными и, несмотря на разницу в возрасте, изумительно напоминали черты Розамунды. Это был ее отец, знаменитый лорд сэр Эндрю д'Арси. Розамунда повернулась и присела перед ним с восточной грацией; Вульф наклонил голову, Годвин, шея которого слишком окаменела, просто протянул ему руку. Старик посмотрел на него с гордостью в глазах.

– Итак, ты останешься жив, мой племянник, – сказал он, – и я благодарю за это Подателя жизни и смерти! Клянусь Богом, ты храбрец, достойный отпрыск рода норманна д'Арси и Улуина-саксонца. Да, ты один из лучших потомков их.

– Не говорите так, дядя, – сказал Годвин, – здесь есть более достойный человек. – И своими худощавыми пальцами он погладил руку Вульфа. – Ведь Вульф провез меня через ряды нападающих. О, я помню, как он вскинул меня на вороного и приказал крепко держаться за гриву коня и седельную луку. Да, я помню наше нападение и его крик: «Против д'Арси – против смерти!», помню блеск вражеских мечей, но больше – ничего.

– Я жалею, что не был с вами и не помогал вам в этой битве, – сказал Эндрю. – О дети, грустно быть больным и старым. Я обрубок, только тлеющий обрубок, но знай я...

– Отец, отец, – сказала Розамунда, обнимая его, – вы не должны так говорить. Вы уже выполнили вашу задачу.

– Да, мою часть дела, но мне хотелось бы сделать больше! О мой святой, попроси Господа дать мне умереть с обнаженным мечом, с военным кличем наших дедов на губах. Да, я не хотел бы угаснуть, как старая, изъезженная боевая лошадь в конюшне! Простите меня, дети, но я поистине завидую вам. Когда я увидел, что вы лежите в объятиях друг друга, я чуть не заплакал от злости при мысли, что горячий бой происходил в какой-нибудь миле от моих дверей, а я не участвовал в нем.

– Я не знаю, что случилось, – сказал Годвин.

– Конечно, не знаешь, ведь ты больше месяца лежал без чувств. Но Розамунда знает все и расскажет тебе. Ляг, Годвин, и слушай.

– Вы приказали мне плыть, и, пришпорив коня, я заставила его броситься в воду. На мгновение волны сомкнулись над моей головой, потом я всплыла на поверхность, но вода смыла меня с седла; тем не менее мне удалось снова сесть на коня. Он послушался моего голоса и поводею и покорно поплыл к отдаленному берегу. Волны помогали ему, поэтому я повернула голову и увидела все, что происходило на молу. На моих глазах враги кидались на вас и падали от ваших мечей, а потом вы напали на них и бегом вернулись обратно. Наконец, как мне казалось, после долгого времени и когда я была уже далеко, я заметила, что Вульф вскинул Годвина на коня. Я поняла, что это Годвин, потому что его посадили на вороного, следила я также, как вы неслись по молу, как исчезли.

К этому времени я уже была подле берега, серый страшно устал и глубоко ушел в воду, но ласковыми словами я подбодрила его, и, хотя его голова дважды погружалась под воду, он все-таки нашел опору для усталых ног. Отдохнув немного, мой конь бросился вперед и короткими переходами двинулся через топь. Наконец мы благополучно достигли земли, тут он остановился, дрожа от страха и усталости. Едва серый отдышался, я пустилась в путь, так как увидела, что враги отвязывают лодку... В Стиплъ я приехала, когда уже стемнело; отец стоял у ворот. Теперь рассказывайте вы, отец.

– Немного остается досказать, – заметил сэр Эндрю. – Вы, дети, помните, что я был против поездки за цветами или за чем-то там еще к церкви Святого Петра, за девять миль от дома, но так как Розамунде очень хотелось этого, а у нее немного развлечений, то я и отпустил ее с вами. Помните также, что вы отправились без кольчуг и сочли меня неразумным, когда я вернул вас и заставил надеть их. Вероятно, мой святой покровитель или ваши ангелы вселили в меня мысль сделать это, ведь без такой предосторожности вы теперь были бы мертвы. В то утро я почему-то много думал о сэре Гюге Лозеле (если только такой предатель и пират может называться сэром и рыцарем, хотя от него нельзя отнять стойкости и храбрости) и о том, что он грозил, несмотря на все наши старания, украсть Розамунду. Правда, мы слышали, что он отплыл на Восток, на войну против Саладина или заодно с ним, потому что он всегда был предателем. Но разве люди не возвращаются с Востока? Вот почему я велел вам вооружиться:

смутное предчувствие говорило мне, что Лозель совершит попытку привести в исполнение свои слова, и я не ошибся: ведь, конечно, это нападение было его делом.

– Я так и думал, – сказал Вульф. – Розамунда знает, что высокий оруженосец, переводчик чужеземца, которого он называл господином, сказал, что именно рыцарь Лозель желает увезти ее.

– Этот господин – мусульманин, сарацин? – тревожно спросил сэр Эндрю.

– Не знаю, дядя, разве я могу сказать, ведь его лицо было замаскировано, как и у всех остальных, а говорил он только через посредника. Но, пожалуйста, продолжайте рассказ, которого Годвин еще не слышал.

– Он короток. Розамунда рассказала мне о том, что случилось, хотя немного понял я из ее слов, потому что она совсем обезумела от печали, холода и страха, я узнал только, что вы бились на старом молу и что она сама переплыла через Бухту Смерти, что казалось невероятным; я созвал всех людей, которых мог достать, и приказал ей остаться дома с несколькими слугами, на что она согласилась с неохотой, сам же я отправился отыскивать вас или ваши трупы. Ночь мешала двигаться вперед, но мы освещали путь фонарями и наконец увидели место, где соединяются две дороги. Там стояла вороная лошадь – твой конь, Годвин. Он был ранен так сильно, что не мог идти дальше: я громко застонал, думая, что ты погиб. Но мы все же пустили коней вперед; вдруг раздалось ржание другой лошади, и мы увидели чалого, тоже без седока; он стоял у края дороги с печально опущенной головой.

«Поводья держит кто-то лежащий на земле!» – закричал один из моих спутников. Я соскочил с седла, наклонился и увидел вас обоих. Вы лежали, сжимая друг друга в объятиях, или мертвые, или без памяти. Я приказал одним из людей поднять вас и отнести домой, других же послал в Стенгет за приором и монахом Стефаном, доктором, сам же с немногими слугами двинулся дальше, чтобы, если возможно, отомстить врагу. Мы доехали до залива, но не увидели ничего, кроме пятен крови и – странная вещь – твоего меча, Годвин. Его рукоятка сидела между камнями, а на острие было письмо.

– Какое? – спросил Годвин.

– Вот оно, – ответил старик, вынимая из складок платья кусок пергамента. – Пусть кто-нибудь из вас прочтет его, ведь вы все ученые, а мое зрение плохое.

Розамунда взяла пергамент. Торопливым, но отчетливым почерком на французском языке на нем стояло: «Меч храбреца. Если он умер, заройте оружие вместе с ним. Если же он, как я надеюсь, остался жив, верните ему меч. Мой господин пожелал бы оказать такую честь храброму врагу, которого, если он жив, он, может быть, встретит когда-либо». Подпись: «Гюг Лозель или другой».

– Значит, «другой», – сказал Годвин, – потому что Лозель не умеет писать, а если бы и умел, то никогда не начертал бы таких рыцарских слов.

– Может быть, слова эти звучат по-рыцарски, но деяния писавшего были достаточно низки, – возразил сэр Эндрю. – Поистине я не понимаю этого письма.

– Переводчик называл своим господином низкорослого человека, – заметил Вульф.

– Да, племянник, но ведь вы его видели, а в пергаменте говорится о господине, которого Годвин может увидеть, о господине, который мог бы пожелать, чтобы пишущий оказал честь раненому или павшему противнику.

– Может быть, он написал все это для отвода глаз?

– Может быть, может быть, но все это меня изумляет. Кроме того, мне не удалось узнать, чьи люди бились с вами. Многие видели, как лодка шла к Бредуелю; кажется, и вы видели ее, потом ночью она на парусах направилась к кораблю, стоявшему на якоре за мысом Фоульнес. Но что это был за корабль, откуда он пришел, куда скрылся, не знал никто, хотя весть о вашей стычке вызвала большое волнение.

– По крайней мере, – сказал Вульф, – мы больше не увидим этих похитителей женщин. Если бы они задумали еще какое-нибудь злодейство, то уже успели бы показаться.

Сэр Эндрю ответил с серьезным лицом:

– Я надеюсь, но все это очень странно. Как они узнали, что вы и Розамунда в этот день поехали в церковь Святого Петра на стенах? Конечно, их предупредил какой-нибудь шпион. Во всяком случае, они не обыкновенные пираты, потому что говорили о Лозеле, просили вас уйти до боя и желали захватить только Розамунду. А дело с мечом, который выпал из рук Годвина, когда его ранили, и был возвращен таким странным образом? Такие рыцарские поступки в мое время часто совершались на Востоке.

– Розамунда наполовину восточного происхождения, – беспечно перебил его Вульф, – и, может быть, наша схватка связана с этим?

Сэр Эндрю вздрогнул, его бледное лицо вспыхнуло. Потом голосом, который показывал, что ему хочется переменить разговор, он заметил:

– Довольно, довольно. Годвин еще очень слаб: он утомляется, между тем мне еще хочется сказать несколько слов, которые, конечно, понравятся вам обоим. Племянники, в вас течет моя кровь, после Розамунды вы самые близкие мне люди, сыновья благородного рыцаря, моего брата. Я всегда горячо любил вас, гордился вами. И если это было так прежде, насколько же усилились мои чувства теперь, когда вы оказали такую высокую услугу моему дому? Вдобавок вы совершили храброе и великое деяние. В Эссексе уже много-много лет не слыхали о более рыцарском поступке; люди, сделавшие такой подвиг, должны быть не простыми джентльменами, а настоящими рыцарями. Согласно старинному обычаю я могу дать вам этот дар. Однако, чтобы никто не возражал против посвящения, я, пока вы лежали больные, отправился в Лондон и попросил аудиенции у нашего господина короля. Рассказав ему все, я обратился к нему с просьбой написать приказ посвятить вас в рыцари.

Племянники, он был очень доволен, и у меня есть его письмо, запечатанное королевской печатью, в котором говорится, чтобы я от его имени и своего собственного публично посвятил вас в рыцари в церкви приорства в Стенгете, когда мы найдем это удобным. Итак, Годвин-оруженосец, торопись выздороветь, чтобы поскорее сделаться сэром Годвином – рыцарем: я обращаюсь к тебе, потому что ты, Вульф, уже здоров, у тебя только еще не зажила рана на ноге.

Бледное лицо Годвина вспыхнуло от гордости, Вульф опустил свои смелые глаза скромно, как девушка.

– Говори ты, – обратился он к брату, – потому что мой язык неповоротлив и неловок.

– Сэр, – слабым голосом произнес Годвин, – мы не знаем, как и благодарить вас за такую большую честь; мы не думали заслужить ее, отбив только шайку разбойников. Сэр, мы можем лишь сказать, что до конца жизни постараемся быть достойными и нашего имени, и вас.

– Хорошо сказано, – заметил сэр Эндрю и прибавил точно про себя: – Он так же вежлив, как и храбр.

Вульф поднял глаза: на его открытом лице лежала печать нескрываемого веселья.

– Хотя моя речь и не очень изысканна, дядя, но я тоже благодарю вас и прибавлю, что, мне кажется, нашу леди кузину тоже следовало бы посвятить в рыцари, если бы это было возможно для молодой девушки, ведь переплыть верхом через Бухту Смерти большой подвиг, чем отбиться от нескольких мошенников на берегу.

– Розамунду? – ответил старик странным мечтательным голосом. – Ее положение достаточно высоко, слишком высоко для полной безопасности.

Он медленно повернулся и вышел из комнаты.

– Ну, кузина, – сказал Вульф, – если вам невозможно сделаться рыцарем, то вы, по крайней мере, можете уменьшить высоту вашего опасного положения, став женой рыцаря.

Розамунда посмотрела на него с негодованием, которое как бы боролось с улыбкой, светившейся в ее темных глазах. Она шепотом сказала, что ей еще нужно посмотреть, как приготавливают бульон для Годвина, и ушла вслед за отцом.

– Было бы добрее, если бы она сказала, что нам обоим, – заметил Вульф, когда за ней закрылась драпировка.

– Может быть, она и сделала бы это, – ответил ему брат, – но только без твоих грубых шуток, ведь в них она могла увидеть скрытое значение.

– Нет, я говорил, ничего не подразумевая. Почему бы ей и не выйти замуж за рыцаря?

– Да, но за какого рыцаря? Разве нам было бы приятно, брат, если бы ее мужем сделался чужой для нас человек?

Вульф проворчал какое-то проклятие, потом вспыхнул до корней волос.

– Ах, – заметил Годвин, – ты говоришь, не подумав, а это нехорошо.

– Там, на берегу, она поклялась... – вставил Вульф.

– Забудь об этом. Слов, сказанных в такой час, нельзя помнить, нельзя связывать молодую девушку.

– Ей-богу, брат, ты прав, как всегда. Мой язык болтает помимо воли, а все-таки я не могу забыть ее слов; только которого из нас?..

– Вульф!

– Я хотел сказать, что сегодня мы на дороге к счастью, Годвин. О, это была счастливая поездка. Я никогда не мечтал о таком бое и никогда не видывал ничего подобного! И мы победили! И мы оба живы, и оба сделаемся рыцарями.

– Да, мы живы благодаря тебе, Вульф. Не возражай, это так; впрочем, меньшего нельзя было и ждать от тебя. Что же касается до пути к счастью, то на нем много поворотов, и, может быть, в конце концов, он приведет нас совсем в другую сторону.

– Ты говоришь как священник, а не как оруженосец, который скоро сделается рыцарем, заплатив за это раной на голове. Я же поцелую фортуна, улучив первую удобную минуту; если же потом она оттолкнет меня...

– Вульф, – позвала Розамунда из-за занавеси, – перестаньте так громко говорить о поцелуях и дайте Годвину заснуть, ему нужен отдых.

И она вошла в комнату с чашкой бульона в руках.

Вульф заметил, что дамы и молодые девушки не должны слушать того, что их не касается, схватил свой костыль и ушел.

III. Посвящение в рыцари

Снова прошел целый месяц, и, хотя Годвин все еще был слаб и по временам страдал головными болями, раны братьев зажили, и они поправились.

В последний день ноября около двух часов пополудни на дороге, которая вилась из старого Холля в Стиплъ, появилась величавая процессия. Во главе ее ехало несколько рыцарей в полном вооружении, а перед ними двигались их знамена; далее сэр Эндрю д'Арси, тоже во всех доспехах и окруженный оруженосцами-наемниками. Рядом с ним была его красивая дочь, леди Розамунда, в великолепном платье, прикрытом меховым плащом; она ехала по правую руку одна на том самом коне, который переплыл через Бухту Смерти. Молодые братья д'Арси в скромных одеждах простых джентльменов следовали за дядей в сопровождении своих оруженосцев, членов благородных домов Солькот и Денджи. Позади них виднелись еще рыцари, оруженосцы, арендаторы различных степеней и слуги, окруженные многочисленной бегущей толпой крестьян и простолюдинов, спешивших за остальными вместе со своими женами, сестрами и детьми.

Миновав деревню и достигнув большой арки, которая обозначала границу монастырских земель, процессия свернула влево и направилась к аббатству Стенгет, отстоявшему мили на две от этого места; дорога шла между пахотными полями и солончаковыми зарослями, во время прилива исчезавшими под водой. Наконец показались каменные ворота аббатства, от которого оно и получило свое название «Стенгет»¹. Здесь шествие встретили монахи, жившие на этом уединенном диком берегу со своим приором Джоном Фиц-Бриеном. Настоятель, беловолосый человек, одетый в черное платье с широкими рукавами, шел вслед за священником, державшим серебряный крест. Процессия разделилась: Годвин и Вульф с несколькими рыцарями и их оруженосцами отправились в аббатство, остальные же вошли в церковь или остались подле нее.

Двух будущих рыцарей отвели в комнату, где брадобрей коротко обрезал их длинные волосы. Потом под руководством двух старых рыцарей, сэра Антони де Мандевиля и сэра Роджера де Мерси, их провели в ванны, окруженные богатыми занавесями. Оруженосцы раздели их, и Вульф с Годвином погрузились в воду; сэр Антони и сэр Роджер разговаривали с ними через занавеси, напоминая о высоких обязанностях их призвания, а под конец облили их водой и перекрестили их обнаженные тела. После этого братьев снова одели, и, предшествуемые менестрелями, они прошли в церковь; там при входе их оруженосцам поднесли вина.

В присутствии всего общества молодых д'Арси одели сначала в белые туники в знак чистоты их сердец, потом в красные одеяния, служившие символом крови, которую они, может быть, будут призваны пролить ради Христа, и, наконец, в длинные черные плащи – эмблемы смерти, неизбежной для всех. Когда все это было исполнено, принесли доспехи Годвина и Вульфа и сложили перед ними на ступенях алтаря. После этого все разошлись, оставив молодых людей с их оруженосцами и священниками для бдения и молитвы в течение долгой зимней ночи.

Действительно, бесконечно тянулась она в этой церкви, освещенной лишь лампадой, которая качалась перед алтарем. Вульф долго молился, наконец так устал, что его губы перестали шептать святые слова, и он впал в полусонное состояние; ему виделось лицо Розамунды, хотя здесь следовало забыть даже ее черты. Годвин же оперся локтем о могилу, скрывавшую в себе сердце его отца, и тоже молился; наконец и его серьезная душа утомилась, и он стал раздумывать о многом и многом.

Между прочим о странном сне, который приснился ему, когда он лежал больной и казался мертвым, потом об истинных обязанностях человека. Что нужно? Быть храбрым и

¹ Каменные ворота.

справедливым? Конечно. Биться ради Креста Христова против сарацин? Конечно, если возможность этого встретится на его пути. Что еще? Покинуть мир и проводить жизнь, бормоча молитвы, как священники, стоящие во тьме перед ним? Необходимо ли это для Бога или человека? Для человека может быть, потому что монахи и священники ухаживают за больными, дают пищу голодным. Но для Бога? Разве он, Годвин, не послан в мир, чтобы взять на себя свою часть житейских тягот, чтобы жить полной жизнью? Ведь монашеское отречение было бы полужизнью, жизнью без жены, без ребенка, без всего, что осватило небо!

Тогда, например, ему нужно не думать больше о Розамунде? Разве он может это сделать, хотя бы ради блаженства своей души в будущей жизни?

При мысли о таком отречении даже в этом святом месте, даже в час посвящения его дух возмутился, потому что именно теперь он в первый раз почувствовал, что любит свою кузину больше всего в мире, больше жизни, может быть, больше своей души. Он с радостью умер бы за нее, охотно и спокойно. Что, если другой...

Рядом с ним, опершись руками на ограду алтаря, устремив глаза на блестящее вооружение, стоял Вульф, его брат, человек могучий, рыцарь из рыцарей, бесстрашный, благородный воин с открытым сердцем; такого рыцаря могла полюбить каждая девушка. И он тоже любил Розамунду! Годвин был уверен в этом. А Розамунда? Разве она не любит Вульфа? Ревность охватила душу Годвина. Да, даже здесь черная зависть зашевелилась в его сердце, и ему стало так больно, что холодный пот оросил его лицо и тело.

Оставить надежду, бежать, боясь поражения? Нет, он будет действовать честно и, если потерпит неудачу, встретит свою судьбу, как это подобает храброму рыцарю: без горечи, но и без стыда. Пусть судьба решает. Все в ее воле. И, протянув руки, он обнял коленопреклоненного брата и не выпускал его из объятий, пока голова усталого Вульфа не склонилась к его плечу, точно головка ребенка к груди матери.

«О Иисус, – простонало бедное сердце Годвина, – дай мне силу победить грешную любовь, которая может довести меня до ненависти к любимому брату. О Иисус, дай мне силу вынести горе, если она предпочтет его мне! Сделай меня совершенным рыцарем, сильным против страданий и в случае нужды способным радоваться радостью того, кто победит его».

Началось серое утро, свет солнца упал сквозь восточное окошко и, как золотое копье, пронизал продолговатую церковь, выстроенную в форме креста; теперь сумрак наполнял только ее приделы. Вот послышался звук пения, и в западную дверь вошел приор в полном облачении, окруженный монахами и аколитами, которые раскачивали кадила. В средней части церкви он остановился и прошел в исповедальню, позвав за собой Годвина.

Молодой человек преклонил колено перед аббатом и излил перед ним всю душу, исповедался во всех своих грехах. Их было немного. Рассказал он также о своем видении, которое заставило приора задуматься; открыл свою глубокую любовь к Розамунде, свои надежды, опасения, желание быть воином, хотя раньше, в юности, он стремился сделаться монахом, прибавив, что он желает не просто проливать кровь, а биться с неверными во имя Креста Господня, и закончил восклицанием:

– Дайте мне совет, отец мой, дайте мне совет!

– Лучший советник ваше собственное сердце, – был ответ священника. – Идите, куда оно зовет вас, и знайте, что через него вами руководит Господь. Не бойтесь неудач. Однако, если любовь и радости жизни покинут вас, вернитесь сюда, и мы снова поговорим. Идите, чистый рыцарь Христов, ничего не бойтесь, и да будет над вами благословение Христа и Его церкви!

– Какую епитимью должен я выполнить, отец мой?

– Такие души, как ваша, сами налагают на себя епитимьи. Святые не позволяют мне прибавить что-нибудь, – послышался кроткий ответ.

С облегченным сердцем вернулся Годвин к решетке алтаря, а Вульф, в свою очередь, занял его место в исповедальне. Нам нечего говорить о грехах, в которых признался он. Такие

прегрешения бывают у всех молодых людей, и ни одно из них не было слишком тяжело. Но все же раньше, чем дать Вульффу отпущение, добрый приор велел ему меньше думать о теле и больше о душе, меньше о славе, подвигах с оружием в руках, больше об истинных целях этих подвигов. Кроме того, он посоветовал ему смотреть на своего брата Годвина как на земного руководителя и пример, потому что, по его мнению, на земле не было лучшего или более мудрого молодого человека. Наконец Джон отпустил Вульфа, сказав ему, что, если он последует данным ему советам, он достигнет великой славы на земле и на небе.

– Отец, я буду стремиться к этому всеми силами, – смиренно ответил Вульф, – но на земле не может быть двух Годвинов; иногда, отец, я боюсь, что наши пути столкнутся, потому что худо, когда два человека добиваются любви одной и той же девушки.

– Я знаю все, – тревожно сказал приор, – и если бы вы были людьми менее благородными, это могло бы казаться серьезным. Но когда дело дойдет до минуты решения, пусть благородная леди поступит согласно желаниям своего сердца, и да останется потерявший ее таким же честным в печали, каким он был в радости. Конечно, вы не воспользуетесь преимуществом в час искушения и не будете питать горечи против брата, если она сделается его невестой.

– Мне кажется, я могу быть уверен в этом, – сказал Вульф. – А также и в том, что мы, любившие друг друга с самого рождения, скорее умрем, чем изменим один другому.

– Я тоже думаю это, – ответил приор. – Но Сатана силен!

Вульф тоже вернулся к решетке алтаря. Служили мессу, неофиты приняли святое таинство, потом были сделаны приношения во всем порядке. После обедни молодых людей отвели в приорство, чтобы они могли отдохнуть и немного поесть после долгого ночного бдения в холодной церкви. Братья сидели в комнате приора, и каждый думал о своем. Наконец Вульф, который, казалось, чувствовал себя беспокойно, поднялся с места, положил руку на плечо Годвина и сказал:

– Не могу больше молчать. Со мной всегда так: то, что у меня на уме, должно вылиться в словах. Мне нужно поговорить с тобой.

– Говори, Вульф, – сказал Годвин.

Вульф снова опустился на стул и несколько мгновений не двигался, устремив взгляд куда-то в пространство; ему трудно было начать говорить. Годвин читал в уме брата, как по книге, но Вульф не умел угадать мыслей Годвина, хотя обыкновенно они понимали друг друга без слов, и их сердца бывали открыты одно для другого.

– Поговорить о нашей кузине Розамунде, не правда ли? – спросил наконец Годвин.

– Да, о чем же иначе?

– И ты хочешь сказать мне, что любишь ее, что теперь, когда ты рыцарь... почти... и тебе скоро минет двадцать пять лет, ты попросишь ее сделаться твоей невестой?

– Да, Годвин, любовь пришла мне в сердце, когда она пустила своего серого в воду... и мне казалось, что я уже никогда не увижу ее больше. Скажу тебе, я почувствовал, что без нее не стоит жить.

– Тогда, Вульф, – медленно ответил Годвин, – о чем еще говорить? Спроси ее – и будь счастлив. Почему бы нет? У нас есть земли, хотя и небольшие, а у Розамунды не будет недостатка в них. Я думаю также, что и дядя не откажет тебе, если она захочет этого, так как ты самый благородный и храбрый человек во всем нашем округе.

– За исключением моего брата Годвина, который совершенно так же отважен, да вдобавок еще добр и учен, чего нельзя сказать обо мне, – задумчиво ответил Вульф.

Несколько мгновений оба молчали. Наконец он снова заговорил:

– Годвин, несчастье в том, что ты тоже любишь ее, и там, на насыпи, у тебя были те же самые мысли.

Годвин слегка покраснел, и его тонкие длинные пальцы сильнее сжали колено.

– Ты угадал, – спокойно ответил он. – К сожалению, ты угадал. Но Розамунда не знает ничего об этом и никогда не узнает, если ты сумеешь удержать свой язык. Тебе не придется также никогда ревновать...

– Что же ты посоветуешь мне делать? – горячо спросил Вульф. – Постараться завоевать ее сердце и, может быть, хотя я в этом сомневаюсь, позволить ей отдать его мне, так как она думает, что тебе до нее нет дела?

– Почему бы и нет? – снова повторил Годвин со вздохом. – Может быть, это избавит ее от печали, тебя от сомнений и яснее наметит мой путь. Брак для тебя больше, чем для меня, Вульф, я иногда думаю, что меч должен быть моим единственным спутником жизни, а долг – моей единственной целью.

– У тебя золотое сердце, и даже теперь ты не хочешь преградить путь брату, которого ты любишь! Нет, Годвин, так же верно, как то, что я грешник или что я ее люблю больше всего на свете, я не хочу вести такую трусливую игру и победить человека, не желающего поднять меча из опасения меня ранить. Скорее я прошусь со всеми вами и отправлюсь искать счастья или смерти в боях, не сказав ей ни слова.

– И, может быть, оставишь Розамунду в печали? О, если бы мы знали... наверно, что она не думает ни об одном из нас, нам обоим было бы лучше уехать. Но, Вульф, мы не знаем этого. По чести, мне казалось иногда, что она любит тебя.

– А иногда, говоря по чести, Годвин, я был уверен, что она любит тебя, хотя мне хотелось бы попытаться счастья и узнать все из ее собственных уст. Но при таких условиях я этого не сделаю.

– Чего же ты хотел бы, Вульф?

– Попросить нашего дядю позволить нам обоим поговорить с нею; ты как старший пошел бы к ней первый и предложил ей подумать о твоих словах и через день дать тебе ответ. Потом, раньше чем окончился бы этот день, я тоже поговорил бы с нею, чтобы она узнала всю правду и приступила к решению с открытыми глазами, с ясным умом, ведь в противном случае она могла бы подумать, что мы знаем намерения друг друга и что ты просишь ее руки, так как я не хочу сделать этого.

– Это честно, – ответил Годвин, – и достойно тебя, честнейшего из людей; а между тем, Вульф, я смущен. Видишь ли, мне кажется, на свете еще не было братьев, которые так любили бы друг друга, как мы с тобой. Неужели тень земной любви падет на нас и омрачит нашу дружбу, такую ясную, такую драгоценную?

– Почему? – спросил Вульф. – Полно, Годвин, решим, что этого никогда не случится и с помощью небес покажем миру, что два человека могут любить одну и ту же даму и оставаться друзьями, не зная, которого из них она выберет (если она захочет избрать одного). Ведь, Годвин, не мы одни смотрели или будем смотреть на высокорожденную, богатую и красивую леди Розамунду. Хочешь заключить такой договор?

Подумав немного, Годвин сказал:

– Да, но это будет серьезный договор, который ради Розамунды и ради нас самих мы никогда не нарушим, не обесчестив себя.

– Так и будет, – ответил Вульф. – Ведь мы взрослые люди, а не дети, которые забавляются шуточными выдумками.

Годвин поднялся, подошел к двери, приказал своему оруженосцу, ждавшему снаружи, позвать приора Джона, сказать, что они с братом хотят посоветоваться с настоятелем об одном деле. Джон пришел; тогда, стоя перед ним с опущенной головой, Годвин рассказал ему все, и старик, знавший уже многое, быстро понял остальное; сообщил ему молодой человек также и то, что они с братом задумали. На вопрос приора Вульф ответил, что все сказанное верно и что Годвин ничего не утаил. Потом братья спросили аббата, законно ли принести такую клятву, и он ответил, что это не только законно, но и хорошо.

В конце концов братья рука об руку опустились на колени перед святым крестом, стоявшим в комнате, и в один голос слово за словом повторили клятву, которую произнес приор.

– Мы братья, Годвин и Вульф д'Арси, клянемся святым Крестом Христовым, святым патроном этого места, святой Марией Магдалиной и нашими собственными покровителями, святыми Петром и Чедом, стоя перед лицом Бога, нашим ангелом-хранителем и вашим, Джон, что, любя нашу двоюродную сестру Розамунду д'Арси, мы оба попросим ее руки в тех словах, как согласились сделать это, что мы подчинимся ее решению, и если она изберет кого-нибудь из нас, то не будем стараться увлечь ее или изменить ее намерения при помощи каких-либо других средств ни тайно, ни открыто, что тот из нас, кому она откажет, делается для нее только братом, не более, хотя бы Сатана старался искушать его, что, насколько это возможно для нас, простых грешных людей, мы не позволим ни горечи, ни ревности заползти в наши сердца и разделить нас, что во время войны или мира мы останемся друг для друга верными товарищами и братьями. В этом мы клянемся с открытым сердцем и твердо; в знак святости и соглашения, зная, что тот, кто нарушит клятву, будет обесчещенным рыцарем и сосудом гнева Божия, целуем распятие и друг друга.

Братья исполнили сказанное и с легким сердцем и радостными лицами стали под благословение приора, крестившего их во младенчестве, а потом отправились навстречу обществу, которое выехало, чтобы проводить их в Стипль, где должно было совершиться самое посвящение.

Итак, д'Арси наконец двинулись в Стипль. Перед ними ехали их оруженосцы с непокрытыми головами и держали за концы ножен их мечи, на рукоятках которых висели золотые шпоры. Главная нижняя зала Холля была убрана для большого пира. Между столами и помостом оставили свободное пространство, и братьев провели туда. Вперед выступили вооруженные с ног до головы сэр Антони де Мандевиль и сэр Роджер де Мерси и поднесли сэру Эндрю д'Арси, стоявшему на краю возвышения тоже в полных доспехах, мечи его племянников и шпоры; шпоры он отдал обратно, попросив прикрепить их к обуви кандидатов. Когда это было сделано, приор Джон благословил мечи, а сэр Эндрю, привесив их к поясам своих племянников, сказал:

– Возьмите обратно мечи, которыми вы действовали так хорошо.

И он обнажил свое собственное оружие с серебряной рукояткой, оружие, принадлежавшее его отцу и деду, и, когда Вульф и Годвин преклонили перед ним колени, каждого троекратно ударил им по плечу, произнося громким голосом:

– Во имя Бога, святого Михаила и святого Георгия, посвящаю вас в рыцари. Да будете вы рыцарями доблестными!

Теперь в качестве ближайшей родственницы новопосвященных рыцарей вышла Розамунда и с помощью других дам надела на них их кольчуги, стальные шлемы, щиты в форме летучих змеев и украшенные гербовым черепом – эмблемой их рода. Когда и это было сделано, они, предшествоваемые музыкантами, прошли в церковь Стипль, отстоящую от Холля сотни на две шагов; там братья положили свои мечи на алтарь и вскоре снова взяли их, произнеся клятву быть верными слугами Христа и защитниками церкви. При выходе из церковных дверей кто встретил их? Повар со своим ножом; он потребовал себе столько денег, сколько стоили их шпоры, а в заключение громко произнес:

– Если кто-нибудь из вас, молодые рыцари, совершит поступок, недостойный чести и произнесенных вами клятв (да сохранит вас от этого Бог и Его святые), я моим ножом отрублю шпоры от ваших каблуков.

Таким образом закончилась длинная церемония, и начался пышный пир; за высоким столом сидело много благородных рыцарей и дам, за столом нижним пировали оруженосцы и другие джентльмены, вне замка – арендаторы и крестьяне; детей и стариков угощали в средней части самой церкви. Когда наконец последнее кушанье было подано, расчистили середину залы

Стипля; мужчины пили, менестрели играли и пели. Вино и крепкое пиво развеселили всех, между гостями начались толки, кто из двух братьев – сэр Годвин или сэр Вульф – храбрее, красивее, ученее и вежливее другого.

Один рыцарь, сэр Сюрин де Солькот, заметив, что спор делается жарким и может довести до ударов мечами, поднялся с места и объявил, что спорный вопрос должна решить красавица и что лучше всех об этом может судить та прекрасная дама, которую молодые д'Арси спасли от грабителей на молу Бухты Смерти, и все закричали: «Да, пусть она скажет свое слово». Так было решено, что Розамунда отдаст свой шейный платок храбрейшему из двух, кубок вина самому красивому, а книгу молитв самому ученому.

Розамунда увидела, что ей ничего не остается делать: за исключением сэра Эндрю, Годвина и Вульфа, большей части дам и ее самой, пившей только воду, все благородные рыцари и простые люди уже разгорячились от вина и стали требовательны. Она сняла шелковый платок с шеи и, подойдя к краю помоста, на котором сидели молодые д'Арси, в нерешительности остановилась перед своими двоюродными братьями; бедняжка не знала, кому из них отдать платок. Но Годвин что-то шепнул Вульфу; они оба протянули правые руки, схватили за два края платок, который она поднесла теперь к ним, и, разорвав его пополам, обвили этими обрывками рукоятки своих мечей. Видя их находчивость, все засмеялись и закричали:

– Вина красивейшему из двух. Уж его-то они не поделят!

Розамунда подумала с минуту, потом подняла большой серебряный кубок, самый широкий из стоявших на столе, наполнила его до краев вином, снова подошла к помосту, как бы в раздумье, и поднесла чашу братьям. Годвин и Вульф в одно мгновение наклонились к ней и оба коснулись губами вина. Снова послышался громкий смех, и даже Розамунда улыбнулась.

– Книга, книга! – закричали гости. – Книгу молитв они не посмеют разорвать.

В третий раз с книгой в руках подошла Розамунда.

– Рыцари, – сказала она, – вы разорвали платок, вы выпили вино. Теперь я предлагаю святую книгу тому из вас, кто читает лучше.

– Отдайте ее Годвину, – сказал Вульф. – Я воин, а не писец!

– Хорошо сказано, хорошо сказано, – закричали пирующие. – Нам нужен меч, а не перо. Но Розамунда повернулась к ним и ответила:

– Тот, кто поднимает меч, храбр; тот, кто владеет пером, мудр, но лучше всех человек, который может управлять и пером и мечом, как мой двоюродный брат Годвин, храбрый и ученый.

– Слушайте, слушайте ее, – закричали гости, ударяя рогами, полными вина, о стол. Когда же наступила тишина, один женский голос произнес:

– Велико счастье сэра Годвина, но мне милее сильные руки сэра Вульфа.

После этого снова начались возлияния, и Розамунда и другие дамы ушли из зала. То были грубые, жестокие времена.

На следующий день, когда большая часть гостей разъехалась, причем многие с головной болью, Годвин и Вульф прошли в солар к дяде, сэру Эндрю. Братья знали, что Розамунда была в церкви с двумя служанками и убирала ее после крестьянского пира, происходившего в средней ее части. Братья подошли к дубовому креслу старика, которое стояло против открытого очага, снабженного трубой (это было редкостью в те времена), и преклонили колени.

– В чем дело, племянники? – с улыбкой спросил сэр Эндрю. – Вам, кажется, хочется, чтобы я снова посвятил вас в рыцари.

– Нет, сэр, – ответил Годвин. – Мы думаем о гораздо большей милости.

– Напрасно думаете, такой не существует.

– О милости другого рода, – заметил Вульф.

Сэр Эндрю подергал себя за бороду, глядя на молодых людей. Может быть, приор Джон уже шепнул ему словечко и он угадывал, о чем заговорят они.

– В чем дело? – спросил он Годвина. – Я дам вам любой дар, если это будет в моей власти.

– Сэр, – сказал Годвин, – мы хотим попросить вас позволить нам посвататься к вашей дочери.

– Как? Обоим?

– Да, сэр.

Тут сэр Эндрю, который смеялся редко, громко расхохотался.

– Ну, признаюсь, – сказал он, – много странностей видывал я на свете, а о такой и не слышал. Как! Два рыцаря сразу хотят предложить свою руку одной девушке.

– Это только кажется странным, – заметил Годвин, – но вы поймете все, выслушав нас.

И старый д'Арси выслушал рассказ о том, что произошло между двумя братьями и об их торжественной клятве.

– Вы были благородны и в этом случае, как во всех других, – заметил сэр Эндрю, когда они умолкли, – но, может, принесенный обет одному из вас покажется трудным для исполнения. Клянусь всеми святыми, племянники, вы были вполне правы, говоря, что просите у меня большой милости. Знаете ли (хотя я ничего не говорил вам об этом), что, не упоминая о низком Лозеле, двое из важнейших людей нашей страны уже искали руки моей дочери, леди Розамунды?

– Это легко могло быть, – сказал Вульф.

– Так и было, а теперь я скажу вам, почему ни тот ни другой не сделался ее мужем, хотя до известной степени я желал этого. По очень простой причине. Я сказал Розамунде об их просьбе, но она не пожелала принять предложения того или другого... А я... Ее мать вышла замуж по влечению сердца, и я поклялся, что и дочь поступит так же, потому что лучше сделаться монахиней, чем вступить в брак без любви.

Теперь посмотрим, что вы можете дать ей. Вы хорошего рода; со стороны матери в ваших жилах течет кровь Улуина, с отцовской – моя, следовательно, ее собственная. В качестве оруженосцев при ваших восприемниках, рыцарях сэре Антони де Мандевиле и сэре Роджере де Мерси, вы храбро держались во время шотландской войны; наш господин, король Генрих, вспомнил об этом и потому так охотно согласился на мою просьбу. Позже, несмотря на вашу нелюбовь к мирной жизни, вы исполнили мое желание – отдыхали здесь со мной и не совершали других военных подвигов, кроме того, который прославил вас два месяца тому назад, дал вам возможность сделаться рыцарями, а теперь дает некоторые права на Розамунду.

С другой стороны, у вас немного земель и других богатств, так как ваш отец был младшим сыном. За пределами нашего графства вы неизвестны, ваши подвиги еще впереди; я не считаю шотландских битв; вы тогда были еще мальчиками. Между тем девушка, руки которой вы ищете, принадлежит к числу самых красивых, благородных и ученых дам в округе, потому что я, имея некоторые познания, сам учил ее. Кроме того, у меня нет наследника, и, следовательно, она будет богата. Ну, что же можете вы предложить за все это?

– Себя! – смело ответил Вульф. – Мы истинные рыцари, вы знаете все хорошее и все дурное, что в нас есть... и мы любим ее. Мы узнали это на берегу Бухты Смерти, хотя до тех пор смотрели на нее только как на сестру.

– Да, – прибавил Годвин, – когда она благословила нас обоих, в наших сердцах как бы вспыхнул свет.

– Встаньте, – сказал сэр Эндрю, – и дайте мне взглянуть на вас.

Братья поднялись и остановились рядом, освещенные пылающим камином, потому что свет солнца скудно проходил сквозь узкие окна.

– Молодцы, молодцы, – сказал старый рыцарь. – Вы похожи друг на друга, как два зернышка пшеницы из одного колоса. Оба ростом в шесть футов, оба широкоплечие, хотя Вульф выше и сильнее. У обоих светлые, волнистые волосы, только там, где тебя ранил меч, Годвин, виднеется белая прядь. У Годвина серые грезящие глаза, у Вульфа синие, блестящие, как мечи.

Ах, Вульф, у твоего дедушки были такие же глаза, и мне рассказывали, что в тот день, когда при взятии Иерусалима он соскочил с башни на стену, сарацинам не понравился свет, сверкавший в них. Не любил этого блеска и я, его сын, когда он, бывало, сердился. Вы оба молодцы; но сэр Вульф более воинственен, а сэр Годвин более мягок. Ну скажите, что должно больше нравиться даме?

– Это зависит от женщины, – ответил Годвин, и в его глазах сразу появилось мечтательное выражение.

– Это мы постараемся узнать до наступления ночи, если вы позволите нам, – прибавил Вульф, – хотя у меня мало надежды на успех.

– Да, да, перед нами загадка. И я не завидую той, которой придется отвечать на нее, потому что разрешение вопроса может смутить девичий ум. Когда она выскажется, никто не будет знать, выбрала ли она то, что даст ей мир душевный. Не лучше ли мне запретить им задать эту загадку? – прибавил он, как бы говоря с собой.

И старик задумался, братья вздрогнули, им показалось, что ему хочется отказать им.

Наконец сэр Эндрю снова поднял голову и сказал:

– Нет, пусть будет, как желает Господь, держащий грядущее в своих руках. Племянники, вы хорошие, верные рыцари, и каждый из вас может прекрасно охранять ее, а ей нужна охрана; вы – сыновья моего единственного брата, которому я обещал заботиться о вас, главное же – я люблю вас обоих одинаково сильно, а потому пусть будет по-вашему: идите, попытайтесь получить счастье из рук моей дочери Розамунды, как вы согласились сделать это. Пусть первым идет Годвин, потом ты, Вульф. Нет, не благодарите меня. Идите же скорее. Мои часы сочтены, и я хочу узнать, как она решит эту задачу.

Братья поклонились и вышли из солара. В дверях холла Вульф остановился и сказал:

– Розамунда в церкви. Иди за ней и... О, я хотел бы пожелать тебе счастья, но прости, Годвин, не могу... Боюсь, что край тени земной любви, о которой ты говорил, уже касается моего сердца, леденит его.

– Тени нет, – ответил Годвин, – повсюду свет и теперь, и в будущем, как мы поклялись в том.

Было три часа пополудни; снежные облака затемняли последний серый свет декабрьского дня, когда Годвин, желая удлинить путь, шел через луг Стипльской церкви. В ее дверях он встретил двух служанок, которые вышли на паперть со щетками в руках, неся корзину, полную остатков еды и всякого сора. Молодой человек спросил у них, в церкви ли еще леди Розамунда, и они ответили с поклоном:

– Да, сэр Годвин, леди Розамунда приказала нам попросить вас прийти за нею и, когда она окончит молиться перед алтарем, проводить ее в Холль.

«Кто знает, – подумал Годвин, – провожу ли я ее от алтаря в Холль или останусь один в церкви?»

И все-таки ему показалось хорошим признаком, что Розамунда попросила его прийти, хотя другие, может быть, придали бы другое значение этой просьбе.

Годвин вошел в церковь; он осторожно ступал по тростнику, которым был усеян пол средней церковной части, и при свете неугасимой лампы увидел Розамунду; она стояла перед небольшой ракой, ее грациозная головка склонилась на руки, и она горячо молилась. «О чем? – подумал он. – О чем?»

Она не слышала ничего, и, подойдя к алтарю, д'Арси остановился в терпеливом ожидании. Наконец Розамунда глубоко вздохнула, поднялась с колен и повернулась к нему; при свете лампы он увидел на ее лице следы слез. Может быть, и она говорила с приором Джоном, который был также и ее духовником. Кто знает? По крайней мере, взглянув на Годвина, как статуя стоявшего перед ней, она вздрогнула, и с ее губ сорвались слова:

– О, как скоро! – Но, овладев собой, она прибавила: – Как скоро вы пришли по моей просьбе, кузен.

– Я встретил служанок у дверей, – сказал он.

– Как хорошо, что вы пришли, – продолжала Розамунда. – Но, право, после того дня на молу мне страшно пройти хотя бы расстояние полета стрелы с одними женщинами, с вами же я чувствую себя в безопасности.

– Со мной или с Вульфом?

– Да, и с Вульфом, – повторила она, – то есть когда он не говорит о войнах или приключениях в далеких странах.

Они подошли к portalу церкви и увидели, что на землю падают большие хлопья снега.

– Останемся здесь с минуту, – сказал Годвин. – Это только проходящее облако.

И они остановились в полутьме, и несколько времени никто из них не говорил; наконец Годвин сказал:

– Розамунда, двоюродная моя сестра и леди, я пришел, чтобы задать вам один вопрос, но прежде (почему я говорю это, вы поймете потом) я обязан попросить вас ответить мне на него не раньше, чем через сутки.

– Это легко обещать, Годвин. Но что это за удивительный вопрос, на который нельзя ответить?

– Вопрос короток и прост. Согласитесь ли вы быть моей женой, Розамунда?

Она отшатнулась к стенке портика.

– Мой отец...

– Розамунда, я говорю с его позволения.

– Могу ли я ответить, раз вы сами запретили мне говорить?

– Только до завтрашнего дня. Тем не менее прошу вас выслушать меня, Розамунда. Я ваш двоюродный брат, и мы росли вместе; ведь за исключением того времени, когда я был на войне в Шотландии, мы никогда не расставались. Поэтому мы хорошо знаем друг друга, так хорошо, как обыкновенно не знают люди, не соединенные браком. Поэтому также для вас не тайна, что я всегда любил вас, сначала как брат любит сестру, теперь же как жених любит невесту.

– Нет, Годвин, я этого не знала, напротив, я всегда думала, что ваше сердце совсем в другом месте.

– В другом месте? Какая же дама...

– Нет, я думала, что оно приковано не к даме, а к вашим мечтам.

– Мечтам? Мечтам о чем?

– Я не знаю этого. Может быть, о том, что не связано с землей, о том, что выше бедной девушки.

– До известной степени вы правы, кузина, потому что я не только люблю земную девушку, но и ее дух. Да, вы моя мечта, поистине мечта, символ всего благородного, высокого, чистого. В вас и через вас, Розамунда, я поклоняюсь небу, которое надеюсь разделить с вами.

– Мечта? Символ? Небеса? Разве такими блестящими одеждами можно украшать образ женщины? Право, когда обнаружится действительность, вы увидите, что мое лицо только череп в украшенной камнями маске, и возненавидите меня за обман, хотя не я обманула вас, а вы сами, Годвин. Только ангел может явиться в том образе, который рисует ваше воображение.

– Ваше лицо станет ликом ангела.

– Ангела? Почему вы знаете? Я наполовину восточного происхождения, и по временам во мне клоочет кровь. Мне тоже являются видения. Кажется, я люблю власть, прелести и восторги жизни, жизни, непохожей на нашу. Уверены ли вы, Годвин, что мое бедное лицо сделается ангельским ликом?

– Я хотел быть уверенным в чем-нибудь. Во всяком случае, я хотел бы подвергнуть себя и вас такому испытанию.

– Подумайте о вашей душе, Годвин. Она может поблекнуть. Этой опасности вы не решитесь подвергнуть себя ради меня. Правда?

Он задумался, потом ответил:

– Нет, ваша душа часть моей, и поэтому я не хотел бы подвергнуться опасности, Розамунда.

– Мне мил этот ответ, – сказала она. – Да, милее всего, что вы говорили раньше, потому что в нем звучала правда. Вы вполне честный рыцарь, и я горжусь, очень горжусь вашей любовью, хотя, может быть, было бы лучше, если бы вы не полюбили меня.

И она слегка преклонила перед ним колени.

– Что бы ни случилось, перед лицом жизни или смерти, эти слова будут для меня счастьем, Розамунда.

Она порывисто схватила его за руку.

– Ах, что случится! Мне кажется, грядут великие события для вас и для меня. Вспомните, в моих жилах наполовину восточная кровь, а мы, дети Востока, чувствуем тень будущего раньше, чем оно налагает на нас свою руку и делается настоящим. Я боюсь того, что наступит, Годвин, повторяю, боюсь.

– Не бойтесь, Розамунда, зачем бояться? В руках Божьих лежит свиток наших жизней и Его намерений. Образы, которые мы видим, слова, которые мы угадываем, могут быть ужасны, но Тот, Кто начертил их, знает конец всего – знает, что этот конец— благо. Поэтому не бойтесь, читайте без смущения, не думая о завтрашнем дне.

Она с удивлением взглянула на него и спросила:

– Это речь жениха или святого в одежде брачной? Не знаю. И знаете ли вы сами? Но вы сказали, что любите меня, что хотели бы обвенчаться со мной, и я верю вам; знаю я также, что женщина, которая делается женой Годвина, будет счастлива, потому что таких людей очень мало. Но мне запрещено отвечать до завтра. Хорошо же, я отвечу в свое время. До тех пор будьте тем, чем были прежде... Снег перестал падать, проводите меня до дому, мой двоюродный брат Годвин.

В темноте, среди холода они направились домой, окруженные стонущим ветром, и не говоря ни слова вошли в большую переднюю залу, где посредине в очаге горел огонь и пламя с шумом взвивалось к отверстию в крыше, через которое выходил дым. Приятно было смотреть на огонь после зимней ночи.

Перед очагом стоял Вульф, жизнерадостный, как всегда, и веселый, хотя брови его были нахмурены. При виде брата Годвин повернулся к большой двери и, пробыв несколько мгновений в свете, снова исчез в темноте. За ним затворилась тяжелая створка. Розамунда подошла к очагу.

– Вы, кажется, озябли, кузина? – сказал Вульф, всматриваясь ей в лицо. – Годвин слишком долго задержал вас в церкви, попросив молиться вместе с ним. Такая уж у него привычка! Я сам страдал от нее. Присядьте же, согрейтесь.

Не говоря ни слова, Розамунда повиновалась и, распахнув свой меховой плащ, протянула руки к пламени, которое играло на ее смуглом красивом лице. Вульф оглянулся. В комнате не было никого; тогда он снова посмотрел на Розамунду.

– Я рад случаю поговорить с вами наедине, кузина, потому что мне нужно задать вам один вопрос. Но я должен попросить вас не отвечать мне на него, пока не пройдут двадцать четыре часа.

– Согласна, – сказала она. – Я уже дала одно такое обещание, пусть оно послужит для обоих. Теперь я жду вопроса.

– Ах, – весело произнес Вульф, – я рад, что Годвин пошел первый, так как это избавляет меня от необходимости говорить; ведь он говорит лучше, чем я.

– Не знаю, Вульф; во всяком случае, у вас больше слов, чем у него, – с легкой улыбкой заметила Розамунда.

– Может быть, и больше, только другого качества; вот что вы хотите сказать. Ну, к счастью, в настоящую минуту дело не касается слов.

– А чего же, Вульф?

– Сердце. Вашего сердца, и моего сердца, и, полагаю, сердца Годвина, если оно у него есть... То есть в этом смысле.

– Почему же можно думать, что у Годвина нет сердца?

– Почему? Ну, видите ли, теперь я ради себя должен умалять достоинства Годвина, а потому объявляю – хоть вы сами знаете это лучше, чем я, – что сердце Годвина похоже на сердце старого святого в хранилище реликвий в Стенгете, которое могло биться когда-то и, может быть, будет снова биться на небесах, но теперь мертво для всего земного.

Розамунда улыбнулась и подумала, что это мертвое сердце не особенно давно выказало признаки жизни; вслух же она сказала только:

– Если вам нечего больше сказать о сердце Годвина, я пойду почитать отцу, который ждет меня.

– Нет, нет, мне еще нужно сказать многое о моем собственном. – И Вульф внезапно сделался очень серьезен, так серьезен, что все его большое тело задрожало. Стараясь заговорить, он только бормотал что-то несвязное. Наконец его мысли вылились в потоке горячих слов:

– Я люблю вас, Розамунда, люблю! Я люблю все в вас и всегда любил, хотя и не знал этого до дня... до дня боя... И я всегда буду любить вас и прошу вас быть моей женой... Я знаю: я грубый воин с массой грехов, совсем не святой и не ученый, как Годвин... Но, клянусь, я буду всю жизнь вашим верным рыцарем, если святые даруют мне милость и силу, я совершу великие подвиги в вашу честь и буду хорошо охранять вас. О, что еще можно сказать?

– Ничего, Вульф, – ответила Розамунда, поднимая опущенные глаза. – Вы не хотели, чтобы я ответила вам, поэтому я только благодарю вас. Да, от всего сердца, хотя, право, мне грустно, что мы не можем больше быть братом и сестрой, как все эти долгие годы... Теперь уходите.

– Нет, Розамунда, нет еще. Хотя вы ничего не можете говорить, вы могли бы знаком дать мне понять, что вы думаете... Я так мучаюсь и должен страдать до завтрашнего дня. Например, вы могли бы позволить мне поцеловать вашу руку... Ведь в договоре не говорилось о поцелуях.

– Я ничего не знаю о договоре, Вульф, – строго ответила Розамунда, хотя улыбка прокрадась в уголки ее губ. – Во всяком случае, я не могу позволить вам дотронуться до моей руки.

– Тогда я поцелую ваше платье. – И, схватив уголок ее плаща, Вульф прижал его к своим губам.

– Вы сильны, Вульф, я слаба и не могу вырвать своей одежды из ваших рук, однако скажу вам, что этот поступок нисколько не поможет вам.

Плащ упал из его пальцев.

– Простите. Я должен был помнить, что Годвин не зашел бы так далеко.

– Годвин, – сказала она, топнув ногой о пол, – дав обещание, держит его не только буквально, но и в душе.

– Думаю, что так. Видите ли, каково грешному человеку иметь братом и соперником святого. Нет, не сердитесь на меня, Розамунда, я не могу идти путями святых.

– Вам, Вульф, по крайней мере незачем смеяться над тем, кто вступил на дорогу к совершенству.

– Я не насмехаюсь над ним. Я его люблю так же сильно... как вы. – И он пристально посмотрел ей в лицо.

Ее черты не изменились, потому что в сердце Розамунды крылась тайная сила и способность молчать, унаследованная ею от предков аравитян, которые могут накидывать непроницаемую маску на свои черты.

– Я рада, что вы любите его, Вульф. Постарайтесь же никогда не забывать о своей любви и долге.

– Так и будет, да, будет, даже если вы оттолкнете меня ради него.

– Какие честные слова. Я ждала их от вас, – мягко сказала она. – А теперь, дорогой Вульф, прощайте. Я устала...

– Завтра... – начал он.

– Да, – ответила она глубоким голосом. – Завтра я обязана говорить, а вы должны меня слушать.

Солнце снова совершило свой круговорот, снова время подошло к четырем часам пополудни. Два брата стояли подле огня, пылавшего в холле, и с сомнением смотрели друг на друга; такими же взглядами они обменивались в часы ночи, в течение которой ни один не смыкал глаз.

– Пора, – сказал наконец Вульф.

Годвин кивнул головой.

В это время по лесенке из солара сошла служанка, и д'Арси без слов поняли, зачем она приближается к ним.

– Кто? – спросил Вульф; Годвин только покачал головой.

– Сэр Эндрю приказал мне сказать, что он желает поговорить с вами обоими, – сказала служанка и ушла.

– Клянусь святыми, мне кажется, не избран ни тот ни другой, – с отрывистым смехом произнес Вульф.

– Может быть, – сказал Годвин, – и, может быть, это будет лучше для всех нас.

– Не нахожу, – ответил Вульф, вслед за братом поднимаясь по ступенькам.

Они прошли по коридору и закрыли за собой дверь. Перед ними был сэр Эндрю: он сидел в своем высоком кресле перед камином. Подле него, положив руку на его плечо, стояла Розамунда. Годвин и Вульф заметили, что она была одета в свое нарядное платье, и у обоих в голове шевельнулась горькая мысль, что она надела роскошные уборы, желая показать им, как хороша девушка, которую они должны потерять. Подходя, молодые д'Арси поклонились сначала ей, а потом дяде; Розамунда, подняв опущенные глаза, слегка улыбнулась им в виде приветствия.

– Говори, Розамунда, – произнес ее отец. – Этих рыцарей мучит неизвестность, и они страдают...

– Теперь последний удар, – пробормотал Вульф.

– Двоюродные братья, – начала Розамунда низким спокойным голосом, точно отвечая заученный урок. – Я посоветовалась с отцом о том, что вы мне сказали вчера, с отцом и со своим собственным сердцем. Вы сделали мне большую честь, а я любила вас с детства, как сестра братьев. Не буду говорить много, скажу только, что, к сожалению, я ни одному из вас не могу дать того ответа, которого он желает.

– Действительно, решительный удар, – пробормотал Вульф. – Сквозь латы и кольчугу он попал прямо в сердце.

Годвин только побледнел больше прежнего и ничего не сказал.

Несколько мгновений стояла тишина, и старый рыцарь исподлобья смотрел на лица братьев, освещенные пламенем сальных свечей.

Наконец Годвин заговорил:

– Мы благодарим вас, кузина. Пойдем, Вульф, мы выслушали ответ.

– Не весь, – быстро перебила его Розамунда, и они снова вздохнули свободнее.

– Слушайте, – продолжала она. – Если угодно, я дам вам одно обещание, которое одобряет и мой отец. Ровно через два года, в этот же самый день, если мы все трое будем еще живы и ваши намерения не изменятся, я скажу вам имя моего избранника и тотчас же обвенчаюсь с ним, чтобы никто не страдал больше...

– А если один из нас умрет? – спросил Годвин.

– Тогда, – ответила Розамунда, – я выйду замуж за другого, если он не посрамит своего имени и не совершит нерыцарского поступка.

– Извините меня, – начал Вульф, но, подняв руку, она остановила его и сказала:

– Вы находите, что я говорю странные вещи, и, может быть, вы правы. Но ведь все странно, и я в большом затруднении. Помните: вопрос идет о всей моей жизни, и я могу желать, чтобы мне дали время обдумать свое решение. Ведь выбирать между такими двумя людьми, как вы, нелегко. Кроме того, мы все трое слишком молоды для брака. В течение двух лет я, может быть, узнаю, кто из вас наиболее достойный рыцарь.

– Итак, ни один из нас не значит для вас больше, чем другой? – прямо спросил Вульф.

Розамунда вспыхнула, говоря:

– Я не отвечу на этот вопрос.

– И Вульф не должен был задавать его, – вставил Годвин. – Брат, я понял Розамунду. Ей трудно сделать выбор между нами, а если она в сердце, тайно, уже и знает имя избранника, то по доброте своей не хочет нам показать этого и тем огорчить одного из нас. Вот почему она говорит: идите, рыцари, совершайте подвиги, достойные такой дамы, как я, и, может быть, тот, кто сделает величайшее деяние, получит великую награду. Я считаю ее решение мудрым и справедливым и подчиняюсь ему. Оно даже радует меня, ибо дает нам возможность показать нашей дорогой кузине и всем нашим товарищам материал, из которого мы сделаны, и случай постараться затмить друг друга подвигами, которые мы, как и всегда, будем совершать рука об руку.

– Хорошие мысли, – произнес сэр Эндрю. – Ну, что скажешь ты, Вульф?

Чувствуя, что Розамунда наблюдает за ним из-под тени своих длинных ресниц, Вульф ответил:

– Небо видит, я тоже доволен. В течение двух лет мы оба можем пасть на войне, по крайней мере, в эти два года любовь к женщине не разделит нас. Дядя, прошу отпустить меня на службу к моему возлюбленному господину в Нормандию.

– Я прошу о том же, – сказал Годвин.

– Весной, весной, – поспешно ответил сэр Эндрю. – Тогда король Генрих двинет в бой свои силы. До тех же пор оставайтесь здесь. Кто знает, что еще случится. Может быть, ваши руки понадобятся нам, как это было недавно. Надеюсь, теперь я не услышу больше ничего о любви и браке, словом, речей, которые смущают мой ум. Не скажу, чтобы все устроилось согласно моему желанию, но так хотела Розамунда, и этого достаточно для меня. Теперь, конечно, Розамунда, отпусти своих рыцарей; будьте все трое, как братья и сестра, пока не окончится двухлетний срок; тогда оставшиеся в живых узнают разрешение загадки.

Розамунда вышла вперед и, не говоря ни слова, подала правую руку Годвину, а левую Вульфу, позволила им прижать губы к своим пальцам. Так на время окончилось сватовство двоих д'Арси.

IV. Продавец вина

Братья вышли из солара. Теперь в их жизни явилась новая цель, которая вселяла в них стремление совершить великие подвиги и достигнуть желанного конца. И у них на сердце было веселее, чем утром; в обоих горела надежда, для обоих открывалась будущность...

Когда молодые рыцари спустились со ступеней, они увидели высокого человека, по-видимому пилигрима, в низкой шляпе с полями, спереди загнутыми вверх, с пальмовым посохом в руке и с флягой для воды на веревочном поясе.

– Чего вы ищете, святой пилигрим? – спросил Годвин, подходя к нему. – Вы просите ночлега в доме дяди?

Паломник поклонился и, подняв на него свои темные, похожие на бисерины глаза, которые почему-то показались Годвину знакомыми, скромно ответил:

– Именно так, благородный рыцарь. Я прошу приюта для себя и моего мула, который стоит у порога. А также мне хотелось бы видеть сэра Эндрю д'Арси, мне нужно передать ему кое-что.

– Мул? – с удивлением спросил Вульф. – Я всегда думал, что пилигримы странствуют пешком.

– Это верно, сэр рыцарь, но со мною кладь. О, конечно, не мои собственные вещи – все мое достояние на мне. Нет, я везу ящик, в котором лежит что-то неизвестное мне. Мне поручено передать его сэру Эндрю д'Арси, владельцу замка Стипль, а в случае смерти этого рыцаря – леди Розамунде, его дочери.

– Поручено? Кем? – спросил Вульф.

– Это, сэр, – сказал пилигрим с поклоном, – я скажу сэру Эндрю, который, как я слышал, еще жив. Позвольте ли вы мне внести ящик, а если позволите, не поможет ли мне один из ваших слуг; он очень тяжел.

– Мы сами поможем вам, – сказал Годвин.

Они втроем прошли во двор и там при слабом свете звезд увидели красивого мула, которого держал один из стипльских конюхов; на спине животного виднелся длинный ящик, оббитый полотном. Пилигрим отвязал его, взялся за один его конец, а Вульф, приказавший конюху поставить мула в конюшню, поднял другой. Так они пошли в замок. Годвин двинулся впереди, чтобы предупредить дядю. Старик вышел из солара.

– Как вас зовут, пилигрим, и откуда этот ящик? – спросил он, пристально глядя на паломника.

– Мое имя, сэр Эндрю, – сказал тот с низким поклоном, – Никлас из Солсбери; кто же послал меня, я прошепчу вам на ухо.

Он наклонился к старому д'Арси и шепнул ему что-то.

Сэр Эндрю отшатнулся, точно пронзенный стрелой.

– Как? – произнес он. – Вы, святой пилигрим, посланец... – И он внезапно умолк.

– Он держал меня в плену, – ответил паломник, – и человек, который никогда не нарушает данного слова, даровал мне жизнь (я был приговорен к смерти), с тем чтобы я отнес вам это и вернулся к нему с вашим... или с ее ответом. И я поклялся исполнить его желание.

– С ответом? На что?

– Я ничего не знаю. Мне известно только, что в ящике лежит письмо, его содержание мне не сообщили; ведь я только гонец, давший клятву исполнить данное мне поручение. Откройте ящик, лорд... И если у вас есть что-нибудь съестное... Я долго путешествовал...

Сэр Эндрю подошел к двери, позвал слуг, велел им накормить пилигрима и побыть с ним, пока он будет утешать голод. Потом сказал, чтобы Годвин и Вульф отнесли ящик в солар,

захватив с собой молоток и долото. Братья исполнили его приказание и поставили свою ношу на дубовый стол.

– Откройте, – приказал старый д'Арси.

Братья распоролы полотно; под ним оказался ящик из темного, незнакомого им дерева, окованный железом; им пришлось долго работать, прежде чем они подняли крышку. Наконец ее сняли; в ящике скрывалась шкатулка, сделанная из полированного черного дерева и запечатанная по краям странными печатями. На ней висел серебряный замок с серебряным же ключом.

– По крайней мере, видно, что ее не открывали, – заметил Вульф, осматривая целые печати, но сэр Эндрю только повторил:

– Откройте. Торопитесь. Годвин, возьми ключ... У меня руки дрожат от холода.

Ключ легко повернулся в замке; печати сломались, крышка откинулась на петлях, и в ту же минуту комната наполнилась тонким ароматом. Под крышкой лежал продолговатый кусок расшитой шелковой материи; поверх ткани виднелся пергамент.

Сэр Эндрю оборвал нитку, которая сдерживала свернутый в трубку пергамент, снял с него печать и расправил лист, покрытый странными буквами. В шкатулке лежал и другой сверток, без печати, написанный на норманнско-французском языке. В начале его стояла надпись: *«Перевод письма на тот случай, если рыцарь сэр Эндрю д'Арси позабыл арабский язык или его дочь леди Розамунда не научилась владеть им».*

Сэр Эндрю пробежал оба заглавия и заметил:

– Нет, я не позабыл арабского языка; пока была жива моя леди, мы почти всегда говорили с ней на ее родном наречии и передали наши знания Розамунде. Но уже темно... Ты, Годвин, ученый; прочти мне французское письмо. После можно будет сличить рукописи.

В эту минуту из своей комнаты вышла Розамунда и, увидев, что ее отец и двоюродные братья заняты каким-то странным делом, спросила:

– Вам угодно, чтобы я ушла, отец?

– Нет, дочь моя, – ответил сэр Эндрю. – Останься. Мне кажется, это дело касается тебя столько же, сколько и меня. Читай, Годвин.

И Годвин прочел:

– *«Во имя Бога, милосердного и сострадательного, я Салахеддин Юсуф Ибн Эйюб, повелитель верных, приказываю написать письмо, которое, запечатав собственной рукой, направлю к франкскому лорду, сэру Эндрю д'Арси, супругу моей сестры от другой матери, Зобеиды, красивой и неверной, которой Аллах отомстил за ее грех. Если он тоже умер, то к его дочери, моей племяннице по праву крови, принцессе Сири и Египта, которую англичане зовут леди Роза Мира.*

Сэр Эндрю, помните ли, как много лет тому назад, когда мы были еще друзьями, вы, отягченный болезнью и неволей, познакомились с сестрой моей Зобеидой, как Сатана вложил в ее сердце желание слушать ваши слова любви и она сделалась поклонницей креста, обвинялась с вами по франкскому обряду и бежала в Англию? Помните, что, хотя я не мог в то время увезти ее с вашего корабля, я послал вам письмо, говоря в нем, что рано или поздно я вырву ее из ваших рук и поступлю с нею так, как поступают у нас с неверными женщинами? Через шесть лет до меня дошли верные вести, что Аллах взял ее к себе, а потому я оплакал мою сестру и ее судьбу и позабыл о ней и о вас.

Знайте, что рыцарь по имени Лозель, который живет в той части Англии, где стоит и ваш замок, сказал мне, что после Зобеиды осталась дочь-красавица. Мое сердце, которое любило Зобеиду, стремится теперь к этой никогда не виданной мною племяннице, потому что, хотя она и поклонница креста, вы (за исключением поступка с ее матерью) всегда были храбрым и благородным рыцарем высокой крови, каким, насколько я помню, был и брат ваш, который пал в битве при Харенке.

Знайте теперь, что, достигнув по воле Аллаха высокого положения здесь, в Дамаске, и на всем Востоке, я желаю оказать вашей дочери честь и сделать ее принцессой моего дома. Я приглашаю ее приехать в Дамаск, а вместе с нею и вас, если вы еще живы. Кроме того, чтобы вы не боялись какого-нибудь обмана с моей стороны или со стороны моих наследников и советников, я именем Бога и словом Салахеддина, еще никогда не нарушавшимся, обещаю вам не принуждать ее силой принять магометанство и не заставлять вступить в нежелательный для нее брак, хотя я и надеюсь, что милосердный Бог изменит ее сердце и она добровольно перейдет в нашу веру. Также я не буду мстить вам, сэр Эндрю, за ваш прошлый поступок, не потерплю, чтобы и другие причинили вам зло; напротив, я подниму вас до высоких почестей и буду жить с вами в дружбе, как в былое время.

Если же мой гонец вернется и скажет, что моя племянница отказывается от этого предложения, предупреждаю: рука моя длинна, и я, конечно, достану ее.

Поэтому через год от того дня, в который я получу ответ леди, моей племянницы, называемой Розой Мира, мои посланцы явятся туда, где она будет жить, замужней или девицей, и привезут ее ко мне; если она согласится, то с почетом, а если не согласится – все-таки привезут. Теперь в знак моей любви я посылаю ей достойные ее дары и грамоту на титул принцессы и госпожи города Баальбека; этот титул и связанные с ним доходы и преимущества занесены в архивы моего государства и связывают меня и моих преемников.

Мое письмо и дары доставит поклонник креста по имени Никлас. Ему же передайте и ваш ответ; он привезет его ко мне, так как дал клятву исполнить это, и исполнит, зная, что, если он нарушит данное слово, его настигнет смерть.

Подписано: Салахеддин, повелитель верных в Дамаске, и запечатлено его печатью в весеннее время года Хиджры 581-го.

Заметьте также следующее: раньше чем я подписал и запечатал это письмо, мне пришло на мысль, что вы, сэр Эндрю, или вы, леди Роза Мира, можете найти странным, что я не жалею ни трудов, ни расходов ради девушки, не принадлежащей к моей вере, никогда не виданной мною, и усомнитесь в моей честности. Узнайте же истинную причину моего стремления увидеть ее: с тех пор, как я услышал, что на свете живете вы, леди Роза Мира, один и тот же сон, посланный мне Богом, трижды посетил меня; в грезе я трижды видел вас.

И этот сон обозначил, что клятва, которую я произнес после бегства вашей матери, перешла на вас; дальше, что каким-то путем, еще не открытым мне, ваше присутствие здесь удержит меня от пролития моря крови и избавит мир от несчастий и бедствий. Итак, вы должны приехать и остаться в моем доме. Да будет Аллах и его пророк свидетелями, что все это верно».

Годвин опустил письмо, и все с изумлением переглянулись.

– Ну, конечно, – сказал Вульф, – кто-то захотел сыграть с нашим дядей недобрую шутку.

Вместо ответа сэр Эндрю приказал ему поднять шелковую ткань, которая закрывала вещи, спрятанные в шкапулке, и осмотреть их. Вульф исполнил его приказание и откинул голову, точно ослепленный внезапным светом: из ящика ярко сверкнули драгоценности. Красные, зеленые и синие лучи рассыпались во все стороны; посреди камней тускло горело золото и матовым светом переливались белые жемчужины.

– О, какая красота, – прошептала Розамунда.

– Да, – сказал Годвин, – это достаточно красиво, чтобы смутить женский ум и заставить его перестать отличать хорошее от дурного.

Вульф же ничего не сказал. Он молча вынимал из ящика сокровища: корону, жемчужное ожерелье, шейное рубиновое украшение, сапфировый пояс, драгоценные браслеты для щиколоток ног, покрывало, сандалии, платья и другие одежды из лилового шелка, вышитого золотом. Между ними, тоже запечатанная печатями Саладина, его визирей, сановников и секретарей

рей, лежала грамота с титулами баальбекской принцессы, с определением размера и границ ее больших владений, с суммой ее неслыханно большого ежегодного дохода.

– Я ошибся, – сказал Вульф. – Даже восточный султан не мог бы позволить себе такой дорогой шутки.

– Шутка! – перебил его сэр Эндрю. – С первых же строк письма я понял, что это не шутка. Оно дышит духом Саладина, самого великого человека на земле, хотя он и сарацин: я, друг его юности, хорошо знаю его. Да, он прав. С его точки зрения, я погрешил против него, также и его сестра под влиянием нашей любви. Шутка? Нет, он не шутит; ночное видение, которое он считает голосом Бога, или слова звездочетов глубоко взволновали его великую душу, и это заставило его сделать такой странный шаг.

Он замолчал, потом поднял голову и продолжал:

– Знаешь ли ты, дитя, чем тебя сделал Саладин? В Европе много королей, которые были бы рады приобрести титул принцессы Баальбека и роскошные земли близ Дамаска. Я знаю и замок, о котором он говорит. Это величавое строение на берегу Оронта, и после военного губернатора (потому что этой власти Саладин не отдаст христианину) ты будешь первой во всей стране. Печать Саладина самый верный залог в мире. Скажи, хочешь ты туда уехать и царить там?

Розамунда посмотрела на сверкающие драгоценности, на пергамент, который давал царское достоинство, и ее глаза вспыхнули, а грудь поднялась, как тогда, подле церкви на эссекском берегу. Все наблюдали за ней; она трижды посмотрела на привлекательные вещи, потом отвернулась, точно от великого искушения, и ответила только:

– Нет.

– Хорошо сказано, – сказал сэр Эндрю, знавший ее характер и стремления. – Но если бы ты сказала нет, а да, ты отправилась бы одна. Дай мне чернила и пергамент, Годвин.

То и другое принесли. Старик написал:

«Султану Саладину от Эндрю д'Арсси и его дочери Розамунды.

Мы получили ваше письмо и отвечаем, что останемся там, где живем, и сохраним то положение, которое Господь даровал нам. Тем не менее мы благодарим вас, султан, потому что считаем вас честным и желаем вам всякого добра и удачи во всем, за исключением ваших войн против креста. А ваши угрозы постараемся разбить. Зная обычаи Востока, мы не отсылаем вам обратно ваших даров, потому что, сделав это, мы нанесли бы оскорбление одному из величайших людей во всем мире; но если вы пожелаете потребовать их обратно, они ваши, а не наши. Ваше сновидение мы считаем пустой ночной грезой, о которой мудрый человек забыл бы.

Ваш слуга и ваша племянница».

Под этими строками сэр Эндрю поставил свое имя; вслед за ним подписалась Розамунда; пергамент свернули, окружили шелковой материей и запечатали.

– Теперь, – сказал старик, – спрячьте все это богатство, потому что, если люди узнают, что мы храним такие сокровища, все воры Англии посетят нас, и, думаю, в числе их окажутся люди с громкими именами.

Они сложили вышитые золотом одежды и бесценные золотые вещи и камни обратно в ларец, заперли его и поставили в окованный железом сундук, который стоял в спальне старого д'Арсси.

Когда все это было окончено, сэр Эндрю сказал:

– Теперь послушай меня, Розамунда, и вы тоже, племянники. Я никогда не рассказывал вам, как сестра Саладина Зобеида, дочь Эюба, впоследствии окрещенная в нашу веру под именем Марии, сделалась моей женой. Но вы должны узнать все, хотя бы для того, чтобы увидеть, как сделанное зло обращается против человека. После того, как великий Нуреддин взял Дамаск, Эюб сделался губернатором этого города; потом, двадцать три года тому назад, был

занят Харенк, и при этом пал мой брат. Во время битвы меня ранили, взяли в плен, отвезли в Дамаск и поместили во дворце Эюба, где со мной обходились хорошо. И пока я лежал больной, я подружился с молодым Саладином и с его сестрой Зобеидой, которую позже тайно встречал в садах дворца. Остальное легко угадать, хотя я и был вдвое старше ее... Она любила меня так же, как я любил ее, и ради любви предложила переменить веру и бежать со мной в Англию, если представится удобный случай, что трудно было предполагать.

Случайно у меня был друг, таинственный человек по имени Джебал, молодой шейх ужасного племени, страшные обряды которого непонятны для христиан. Эти люди – подданные персиянина Магомеда – живут в замках в ливанских горах. Джебал был в союзе с франками, и раз во время битвы я с опасностью для жизни спас его от сарацин; тогда он поклялся, что, если я когда-нибудь призову его к себе на помощь, он с конца земли явится. В знак этого Джебал подарил мне свое кольцо-печать. Чудный перстень, по его словам, мог дать власть, равную его собственной в его владениях, хотя я никогда не посещал их. Вы знаете это кольцо, – прибавил сэр Эндрю и, протянув руку, показал тяжелый золотой перстень с черным камнем, по которому бежали красные жилки, расположенные в форме кинжала; под кинжалом были вырезаны неизвестные буквы.

– В тяжелую минуту я подумал о Джебале и нашел возможность послать ему письмо, запечатав этим перстнем. Он не забыл о своем обещании: через двенадцать дней мы с Зобеидой мчались к Бейруту на двух таких быстроногих конях, что все всадники Эюба не могли догнать их. Мы доехали до этого города и обвенчались там. Розамунда, там же твоя мать приняла христианство. Нам нельзя было оставаться на Востоке, и мы сели на корабль, который благополучно донес нас до дому. Я увез с собой кольцо Джебала, не отдав его слугам этого человека; я хотел вручить его только ему лично. Перед отходом корабля посланец, переодетый рыбаком, принес мне письмо от Эюба и его сына Саладина; в нем они клялись, что все же вернут к себе Зобеиду, дочь одного и сестру другого.

Вот вся правда. Вы видите, что они не забыли данной клятвы, хотя, узнав впоследствии о смерти моей жены, ничего не предприняли. С тех пор Саладин, который во времена дружбы со мной был только благородным юношей, сделался величайшим султаном, когда-либо царившим на Востоке, и, узнав о тебе, Розамунда, от предателя Лозеля, он хочет взять тебя к себе вместо твоей матери... И, дочь моя, откровенно сознаюсь, что мне страшно за тебя.

– Ну, по крайней мере перед нами еще год или больше. За это время мы можем подготовиться или скрыться, – сказала Розамунда. – Паломник не скоро доберется на Восток к Саладину.

– Да, – сказал сэр Эндрю, – может быть, перед нами есть еще год.

– А это нападение на молу? – спросил Годвин, который сидел задумчиво. – Там упоминали о Лозеле... Однако, если в это нападение был замешан султан, странно, что удар был нанесен раньше, чем пришли письма.

Сэр Эндрю задумался, потом сказал:

– Приведите сюда пилигрима; я хочу расспросить его.

Никласа, который все еще ел, точно не мог утолить своего голода, привели в комнату. Он низко поклонился старому рыцарю и Розамунде, в то же время окидывая острым взглядом старика, молодую девушку, потолок, пол и все подробности комнаты. Казалось, его хитрые глазки все замечали, все видели.

– Вы издали принесли мне письмо, сэр пилигрим, по имени Никлас, – сказал старый д'Арси.

– Я привез вам ящик из Дамаска, сэр рыцарь, но совсем не знаю, что было там. По крайней мере, вы сами можете засвидетельствовать, что до него никто не дотронулся, – ответил Никлас.

– Странно, – продолжал старый рыцарь, – что человек в вашем священном платье сделан избранным гонцом Саладина, до которого христианам мало дела.

– Но Саладину много дела до христиан, сэр Эндрю, а потому он даже в мирное время берет их в плен, как это случилось и со мной.

– Значит, он взял в плен и рыцаря Лозеля?

– Рыцаря Лозеля? – повторил пилигрим. – Лозель – высокий краснолицый человек с рубцом на лбу, который всегда носил черный плащ поверх кольчуги?

– Может быть.

– Тогда его не взяли в плен; он просто приехал в Дамаск навестить султана в то время, когда я был там; я видел его два или три раза, хотя не знаю, зачем он приезжал. Потом он исчез, и в Яффе я слышал, что он отплыл в Европу на три месяца раньше меня.

Теперь братья переглянулись. Итак, Лозель был в Англии! Но сэр Эндрю только сказал:

– Расскажите мне, что было с вами, но говорите правду.

– Зачем буду я выдумывать? Ведь мне нечего скрывать, – ответил Никлас. – Когда я шел паломником к Иордану, меня захватили арабы и, увидев, что я небогат, хотели меня убить. Да, я погиб бы, если бы мимо не проходили воины Саладина и не приказали разбойникам передать меня в их власть. Арабы повиновались, и они отвели меня в Дамаск. Там меня держали в плену, но не строго, и вот тогда-то я и видел Лозеля или, по крайней мере, христианина, носившего это имя. Казалось, он был в милости у сарацин, а потому я попросил его заступиться за меня. Позже меня отвели ко двору Саладина; расспросив меня, султан сказал, что я должен поклониться лжепророку, что в противном случае меня казнят; вы угадываете мой ответ. Меня увели, как я думал, на смерть, но никто не сделал мне вреда.

Через три дня Саладин снова послал за мною и сказал, что он дарует мне жизнь, если я дам ему клятву отвезти одну вещь вам или вашей дочери, леди Розамунде, в замок Стипль в Эссексе и привезти ваш ответ в Дамаск.

Мне не хотелось умирать, и я сказал, что исполню его повеление, если султан даст мне слово оставить меня в живых и освободить; я знал, что он никогда не нарушает обещаний.

– А теперь, когда вы благополучно достигли Англии, вы думаете вернуться в Дамаск с ответом? И если думаете, то почему? – спросил старый д'Арси.

– По двум причинам, сэр Эндрю. Прежде всего я поклялся сделать это и так же, как Саладин, не нарушу данного слова. Во-вторых, мне все еще хочется жить, а за нарушение клятвы султан обещал покарать меня смертью, найти, где бы я ни был. О, я уверен, что волшебством или иным способом он может сделать это. Ну, мне остается досказать немного. Мне вручили ящик в том виде, как я привез его к вам, дали достаточно денег для путешествия туда и обратно и даже больше, чем надо. Потом меня проводили до Яффы, где я вошел на корабль, который направлялся в Италию. Там я сел на другой корабль под именем «Святая Мария», плывший в Кале, и мы достигли этой гавани, хотя перед тем буря чуть не выбросила нас на землю. Из Кале до Дувра я плыл в рыбацкой лодке, высадившись на сушу неделю тому назад, купил себе мула, пристал к обществу путешественников, направлявшихся в Лондон, и, наконец, приехал сюда.

– А как вы будете путешествовать обратно?

Пилигрим пожал плечами,

– Постараюсь как можно лучше и как можно скорее. Ваш ответ готов, сэр Эндрю?

– Да, вот он.

И старик передал ему свиток. Никлас спрятал его в складки своего большого плаща.

– Вы говорите, что вам ничего не известно о том деле, в котором вы замешаны? – спросил его сэр Эндрю.

– Ничего или, вернее, вот что: офицер, который провожал меня до Яффы, сказал, что ученые доктора и придворные прорицатели волнуются из-за одного сновидения, которое трижды возвращалось к султану. В грезах ему явилась дама, в жилах которой отчасти течет кровь Эюба,

отчасти кровь английская, и все говорят, будто поручение, данное мне, касается ее. Теперь я вижу, что глаза благородной дамы, которая стоит передо мной, необыкновенно похожи на глаза султана Саладина.

Он протянул руки и замолчал.

– Мне кажется, вы видите очень многое, друг Никлас, – заметил старый д'Арси.

– Сэр Эндрю, – ответил паломник, – бедный пилигрим, который не хочет, чтобы ему перерезали горло, должен смотреть во все глаза. Но я хорошо поел и устал. Не найдется ли у вас местечка, где бы я мог поспать? На заре мне нужно уйти, потому что люди, исполняющие поручения Саладина, не смеют медлить, а ваше письмо уже в моих руках.

– Место для ночлега найдется, – ответил сэр Эндрю. – Вульф, уложи его, а завтра перед его отъездом мы снова поговорим. Пока до свидания, святой Никлас!

Снова бросив испытующий, пронизательный взгляд, пилигрим поклонился и ушел вместе с Вульфом. Когда за ними закрылась дверь, сэр Эндрю знаком подозвал Годвина и шепнул:

– Завтра возьми несколько человек и проследи за Никласом, чтобы узнать, куда он направится и что будет делать; говорю тебе, я ему не верю... Да, я очень боюсь его. Такие путешествия к султану и от султана – странное дело для христианина. И, хотя он говорит, что от этого зависит его жизнь, мне кажется, честный пилигрим, приехав в Англию, остался бы на родине, потому что первый встречный священник освободил бы его от клятвы, которую неверный силой вырвал у него.

– Будь он бесчестен, он, вероятно, украл бы эти драгоценности, – сказал Годвин. – Разве они не стоят того, чтобы из-за них подвергаться опасности? Как вы думаете, Розамунда?

– Я? – ответила она. – О, мне кажется, все это имеет больше значения, чем мы думаем. Мне кажется, – продолжала она голосом, полным печали, и невольно слегка заламывая руки, – что для этого дома и для всех, кто в нем живет, времена насыщены смертью, а этот пилигрим с пронизательными глазами – ее посредник. Какая странная судьба окутывает всех нас! Меч Саладина высекает ее; рука Саладина лишает меня моего скромного положения, возносит на высоту, которой я не искала. А сны Саладина, к роду которого я принадлежу, перевивают мою жизнь с кровавой политикой Сирии, с бесконечной войной между крестом и полумесяцем, составляющими мое наследие!

И, сделав печальное движение рукой, Розамунда ушла.

Старик посмотрел вслед дочери и сказал:

– Она права. Готовятся великие события, и каждый из вас примет в них участие. Из-за безделицы Саладин не стал бы так волноваться, тем более я знаю, он готовится к последней борьбе, во время которой будет опрокинут или крест, или полумесяц. Розамунда права. На ее челе блистает венец полумесяца дома Эюбова, а на ее сердце висит черный крест христиан; кругом же нее кипит борьба верований и племен! Как, это ты, Вульф? Разве он уже заснул?

– Как собака; кажется, он очень устал с пути.

– Может быть, он спит, как собака, открыв один глаз? Я не хотел бы, чтобы он убежал от нас ночью, я желаю потолковать с ним о многом, как я уже сказал Годвину, – заметил старый д'Арси.

– Не бойся, дядя, дверь конюшни я закрыл на ключ, а святоша пилигрим вряд ли подарит нам такого мула, – ответил Вульф.

– Конечно, нет, если я не ошибаюсь в характере подобных людей, – сказал сэр Эндрю. – Поужинаем, потом отдохнем. Нам это очень нужно.

На следующее утро, за час до зари, Годвин и Вульф поднялись, вместе с ними встали и доверенные слуги, которых накануне предупредили, что их руки понадобятся. Вскоре Вульф с зажженным фонарем в руке подошел к камину в нижней зале: у огня грелся его брат.

– Где ты был? – спросил Годвин. – Ты ходил будить пилигрима?

– Нет, я поставил караульного на дороге к горе Стипль, другого на тропинке к заливу, потом задал корм мулу. Прекрасное это животное, слишком хорошее для паломника. Он, вероятно, скоро тронется в путь, так как сказал, что ему надо проснуться рано.

Годвин кивнул головой, и оба уселись на скамейку подле камина. Стояла холодная погода. Они задремали и не просыпались до рассвета. Наконец Вульф встал, стряхнул с себя сонливость и сказал:

– Он не сочтет невежливостью, если мы теперь поднимем его. – И, подойдя к краю залы, отдернул занавесь в нише и крикнул: – Проснитесь, святой Никлас, проснитесь! Вам пора прочитать молитвы, а скоро приготовят и завтрак.

Но Никлас не ответил.

– Право, – проворчал Вульф, возвращаясь за своим фонарем, – этот пилигрим спит, точно Саладин уже перерезал ему горло.

Он засветил фонарь и снова подошел к нише гостя.

– Годвин, – вдруг вскрикнул он, – иди сюда, он ушел!

– Ушел? – повторил Годвин, подбегая к занавеси. – Куда?

– Я думаю, обратно к своему другу Саладину, – ответил Вульф. – Видишь?

И он указал на широко открытый ставень в чуланчике и на дубовый стул, который помещался внизу. С его помощью Никлас поднялся на подоконник и проскользнул в узкое окошко.

– Вероятно, он чистит и кормит мула, которого ни за что не оставил бы, – сказал Годвин.

– Честные гости не расстаются так с хозяевами, – заметил Вульф, – но пойдем, посмотрим.

Они побежали к конюшне: она была заперта, мул благополучно стоял в ней; хотя они пристально всматривались, им не удалось найти каких-нибудь следов пилигрима, хотя бы отпечатка ноги на изморози. Только осматривая дверь конюшни, братья увидели следы попытки поднять засов каким-то острым инструментом.

– Очевидно, он твердо решил уйти, – сказал Вульф. – Ну, может быть, нам все-таки удастся его поймать. – И он приказал слугам оседлать лошадей и ехать вместе с ним обыскивать местность.

Полных три часа они скакали взад и вперед, но не увидели Никласа.

– Мошеник ускользнул, как ночной коршун, и, точно птица, не оставил следов, – сказал Вульф старому д'Арси.

– Я знаю только, – тревожно ответил старик, – что все это одно к одному; и мне не нравится, что ценность мула не остановила его: ему было важно только бежать так, чтобы никто не мог проследить за ним или узнать, куда он отправился. На насброшена сеть, племянники, и я думаю, что Саладин держит в руках ее концы.

Еще более был бы недоволен сэр Эндрю, если бы он видел, как пилигрим Никлас полз кругом замка, пока все спали, а потом подобрал свое длинное одеяние и, как заяц, побежал по направлению к Лондону. Он спешил, при свете ярких звезд замечая каждое окошко замка, в особенности окна солара; запомнил он также расположение пристроек и поворот на тропинку, которая шла к заливу Стипль.

С этого дня в старый дом вошел страх – опасение перед каким-то ударом, которого никто не мог предвидеть, от которого никто не мог защититься. Сэр Эндрю поговаривал даже о переселении в Лондон, где, как он думал, они были бы в большей безопасности, но дурная погода сделала дороги непроезжими, еще менее можно было думать о путешествии по морю. Итак, было решено, что если они и двинутся в путь (а многое говорило против этого плана, между прочим, слабость здоровья сэра Эндрю и отсутствие дома в Лондоне, в котором они могли бы поместиться), то лишь после дня нового года.

Так время шло. Старый рыцарь посоветовался с некоторыми из своих соседей и друзей, но те посмеялись над его предчувствиями, говоря, что, пока д'Арси не будут путешествовать

без оружия, вряд ли на них снова нападут. В случае же нападения на старый замок рыцарь и его племянники с помощью своих людей могли выдержать осаду до появления окрестных жителей.

Теперь д'Арси ночью ставил стражу, с некоторых пор двадцать вооруженных людей спали в замке. Кроме того, было условлено, что, когда на башне Стипльской церкви загорится сигнальный костер, соседи явятся на помощь.

Перед Рождеством погода изменилась, ветер стих, и наступили большие морозы.

В самый короткий день года в замок приехал приор Джон и сказал, что он едет в Соусминстер, чтобы закупить вина для рождественских праздников. Сэр Эндрю спросил, какое вино в Соусминстере, а приор ответил, что ему говорили, будто в реку Кроуч зашел корабль, нагруженный разными товарами, между прочим, изумительным кипрским вином, и остался в устье, так как его руль был сломан. Он прибавил, что до Рождества нельзя было найти корабельных плотников, а потому главный распорядитель, который заведовал вином, по дешевой цене распродавал его в Соусминстере и в окрестных домах, рассылая в нанятых телегах.

Сэр Эндрю ответил, что это прекрасный случай достать хороший напиток, который редко привозили в те времена в Эссекс. И он попросил Вульфа, который отлично знал толк в винах, отправиться с приором в Соусминстер и, если ему понравится вино, купить несколько бочонков, чтобы повеселиться на Рождество, хотя лично он, старый Эндрю, по болезни пил только воду.

Вульф поехал без всякого неудовольствия. В это мертвое время года, когда нельзя было ловить рыбу, он скучал, бродя кругом замка (молодой человек не любил читать, как Годвин), или, сидя по вечерам подле камина, смотрел, как Розамунда ходит взад-вперед, почти не разговаривая с нею. Ведь несмотря на то, что все они делали вид, будто забыли о происшедшем, какая-то завеса точно упала между двумя братьями и Розамундой, и их обращение перестало быть так открыто и просто, как прежде. Она не могла не вспоминать, что они были теперь не только ее двоюродными братьями, но и влюбленными, что ей нужно следить за собой и не выказывать своего предпочтения одному из них.

Со своей стороны, и братья тоже помнили, что они обязаны скрывать свою любовь к ней, а также что она не только знатная англичанка, но по рождению, по крови и титулу принцесса Востока, которую судьба могла поднять гораздо выше их обоих.

И, как уже сказано, страх воцарился под этой крышей, точно мрачный, каркающий ворон, обитал он в Стипле, и никто не мог спастись от тени его зловещих крыльев. Далеко-далеко на Востоке могучий властелин обратил мысли к этому английскому дому и к девушке царской крови, жившей в нем, к девушке, связанной с его видениями и мечтами о торжестве его веры. Увлеченный не мертвой клятвой, не простым желанием или фантазией, но духовной надеждой, он решил привлечь ее к себе, если можно – честным мирным путем, если нет, то хотя бы нечестным. И честное, и нечестное средство не удалось, потому что битва в Бухте Смерти, конечно, имела отношение к его желаниям, в этом никто уже не сомневался больше. Было ясно также, что Саладин будет повторять такие попытки до тех пор, пока не достигнет своей цели или пока Розамунда не умрет, так как даже брак не мог бы защитить ее.

В доме виднелись только печальные лица, и грустнее всех был сэр Эндрю, которого осаждали недуги, воспоминания и опасения. Вот почему Вульф был доволен, что его послали в Соусминстер за вином; к тому же он с наслаждением думал, что, выпив его, на время освободится от тяжких дум.

Он ехал с приором по горной дороге и смеялся, как бывало до того дня, в который Розамунда отправилась с ним и с Годвином к церкви Святого Петра за цветами.

Они спросили, где живет купец-иностранец, продававший вино, и их направили в гостиницу близ монастыря. В задней комнате между двумя бочонками на подушке сидел невысокий, плотный человек в красной суконной феске. Перед ним стояла маленькая группа людей,

дворян и простолюдинов, которые пробовали его вино и рассматривали шелковые ткани и вышивки.

– Чистые кубки, – на ломаном французском языке сказал купец приказчику, который стоял подле него. – Чистые кубки; я вижу, к нам подходит святой человек и храбрый рыцарь, и они, конечно, хотят отведать вина. Нет, нет, наливай доверху, на вершине горы зимой не так холодно, как в этом проклятом месте, уже не говоря о сырости, которая напоминает тюрьму. – И он вздрогнул и плотнее закутался в свою драгоценную шаль. – Сэр аббат, какого вина хотите вы попробовать раньше, красного или белого? Красное крепче, а белое дороже, сущий напиток для святых в раю и для монастырских настоятелей на земле. Вы говорите, что белое вино кипрское? Да, да, вы мудры. Говорят, моя покровительница святая Елена любила пить его, когда она навестила Кипр и привезла с собой знаменитый крест.

– Значит, вы христианин? – спросил приор. – Я принял вас за последователя лжепророка.

– Разве я приехал бы в вашу туманную страну продавать вино, напиток, запрещенный мусульманам, если бы я не был христианином? О, – ответил купец, раздвигая складки своей шали и показывая серебряное распятие, которое блестело на его широкой груди, – я купец из кипрского города Фамагусты. Мое имя – Георгий, и я принадлежу к греческой церкви, которую вы, люди Запада, считаете еретической. Но что вы скажете о вине, святой аббат?

Аббат прищелкнул языком.

– Брат Георгий, это действительно напиток святых, – заметил он.

– Да, а до сих пор его пили грешники, ведь именно им и наслаждались Клеопатра, царица египетская, и римлянин Антоний, о котором вы как человек ученый могли слышать. А вы, сэр рыцарь, что скажете о темном напитке? Мы зовем его «Мавро». Это вино необыкновенное, оно простояло в бочонке двадцать лет.

– Я пивал худшее, – сказал Вульф и снова протянул свой рог, чтобы его наполнили.

– И если будете жить так долго, как Вечный жид, не отведаете лучшего. Итак, сэры, купите ли вы вина? Если вы благоразумны, то запасетесь большим его количеством, потому что вряд ли вам когда-нибудь представится такой хороший случай, а это вино, белое ли, красное ли, продержится целое столетие.

Тут поднялся торг и продолжался долго. Раз англичане уже совсем собрались уйти, не купив ничего, но виноторговец позвал их обратно и предложил уступить им вино по их цене, если они согласятся взять столько бочонков, чтобы это составило полный груз телеги; он обещал доставить его ко дню Рождества. Наконец д'Арси и Джон согласились на это, довольные тем, что продавец по восточному обычаю поднес им подарки. Приору он дал сверток аграманта, который можно было употребить на отделку для алтарного покрова или хоругви, Вульф оливковую рукоятку в виде ползущего льва. Вульф поблагодарил его и, немного смущаясь, спросил, есть ли у него еще продажные вышивки; услышав это, приор улыбнулся; быстроглазый киприот подметил его улыбку и спросил, нужна ли вышивка для дамской одежды; тут окружающие громко рассмеялись.

– Не смейтесь надо мной, джентльмены, – сказал купец, – как могу я, иностранец, знать дела этого молодого рыцаря? Могу ли спросить, есть ли у него мать, сестры, жена или невеста? Для всех у меня найдутся вышивки,

Он приказал слуге принести сверток, открыл его и начал выкладывать товары, действительно замечательно красивые. Наконец Вульф выбрал для рождественского подарка Розамунде покрывало из легкого шелкового газа, покрытое вышитыми золотыми звездами. Потом, вспомнив, что даже в таком деле он не должен пользоваться преимуществами перед Годвином, взял также тунику, вышитую золотыми и серебряными цветами, никогда не виданными им, потому что это были восточные тюльпаны и анемоны. Ее он решил передать Годвину, чтобы тот, когда захочет, подарил ее двоюродной сестре.

Эти шелковые материи были очень дороги, и Вульф попросил у приора денег взаймы, но старый Джон уже истратил все, что у него было; тогда виноторговец Георгий сказал, что он возьмет в городе проводника, сам привезет вино в замок и тогда получит плату за вышивки, надеясь продать еще какой-нибудь товар знатым дамам.

Он предложил также провести приора и Вульфа к устью реки, в котором стоял корабль, и показать им товары, бывшие, по его словам, собственностью компании кипрских купцов, которые пустились в странствия вместе с ним. Они отказались, так как уже подходил вечер. Зато Вульф сказал, что после Рождества он, вероятно, вернется в Соусминстер с братом, чтобы осмотреть судно, которое совершило такое длинное плавание. Георгий ответил, что он с удовольствием принял бы у себя рыцарей, но что, вероятно, руль поправят очень скоро, так как ему хочется отплыть в Лондон, пока стоит спокойная погода, с целью продать в столице главную часть своего груза. Он прибавил, что думал провести Рождество в Лондоне, но что благодаря порче руля ветер пронес их мимо устья Темзы, и, не войдя корабль в реку Кроуч, они, вероятно, погибли бы. И он простился со своими покупателями, предварительно испросив у приора благословения.

Аббат Джон и Вульф уехали, очень довольные своей покупкой и Георгием, который казался им приветливым и любезным купцом. В этот вечер приор поужинал в замке и за столом вместе с Вульфом рассказал о купце. Сэр Эндрю смеялся, доказывая, что житель Востока заставил их купить гораздо больше вина, чем им было нужно, и что таким образом в выгоде остались не они, а Георгий. Потом пустился в рассказы о богатом острове Кипр, на котором побывал за много лет перед тем, о пышном дворе кипрского императора, о богатстве граждан. По его словам, уроженцы Кипра были самыми хитрыми и ловкими купцами на свете, такими осторожными, что ни один еврей не мог обойти их, а также отличными мореплавателями, унаследовав свое искусство от финикийян; наконец, он прибавил, что все рассказанное о купце Георгии соответствовало характеру этого народа.

Таким образом, в умах обитателей Стипля не зародилось ни малейших подозрений относительно киприота и его корабля, и в этом не было ничего странного, так как его история казалась вполне правдоподобной, и причина его пребывания в Соусминстере была ясна и проста.

V. Рождественский праздник в Стипле

Через четыре дня после поездки Вульфа в Соусминстер наступило рождественское утро. Стояла дурная погода, а потому ни сэр Эндрю и никто из его домашних не поехал в Стенгет; все присутствовали на мессе в церкви Стипля. Тут после богослужения старик по обычаю роздал своим арендаторам мелкие деньги, так называемые «largesses», и пожелал им счастья, предупредив, чтобы они не напивались в этот день, как это часто случалось в те времена.

– А вот нам и не представится случай напиться, – заметил Вульф по дороге в замок, – ведь этот купец Георгий не доставил нам вина, которого мне так хотелось выпить сегодня вечером.

– Может быть, он продал его кому-нибудь дороже, это часто делают его соотечественники, – с улыбкой ответил сэр Эндрю.

Они вошли в переднюю залу, и тут оба брата, по взаимному соглашению, поднесли свои рождественские подарки Розамунде. Она мило поблагодарила их обоих и, рассматривая красивые вышивки, восхищалась ими. Когда ей сказали, что за материю еще не заплачено, она засмеялась и ответила, что, как бы они ни добыли тунику и покрывало, она наденет их вечером.

Около двух часов пополудни в комнату вошел слуга и сказал, что приехала телега, заложенная тремя лошадьми и в сопровождении двух человек.

– Это наш виноторговец, он все-таки приехал вовремя, – сказал Вульф и побежал к нему навстречу, остальные пошли за ним.

Действительно, это был Георгий, завернутый в большой овчинный плащ, какие киприоты носят зимой, и сидевший на одном из своих бочонков.

– Простите, рыцари, – сказал он, спускаясь на землю. – У вас такие дороги, что, хотя я оставил почти половину моего груза в Стенгете, мне пришлось ехать четыре часа от аббатства досюда, и большую часть этого времени мы провели в глубоких рытвинах, которые страшно утомили лошадей и, как я боюсь, испортили колеса. Но все же мы здесь наконец, и, благородный лорд, – прибавил он, кланяясь сэру Эндрю, – с нами то вино, которое ваш сын купил у меня.

– Мой племянник, – поправил его старик.

– Еще раз прошу прощения. Судя по сходству с вами, я думал, что эти рыцари ваши сыновья.

– Он купил все это вино? – спросил сэр Эндрю, потому что на телеге было пять бочек, кроме двух или трех бочонков меньшей величины, и несколько свертков, упакованных в овчины.

– Нет, к сожалению, – печально ответил купец и пожал плечами. – Только два бочонка «Мавро». Все остальное я вез в аббатство, так как, насколько я понял, святой приор купил шесть бочек, хотя, казалось, ему были нужны только три.

– Он сказал три, – вставил Вульф.

– Да, сэр. Тогда, конечно, я ошибся, ведь я так плохо говорю на вашем языке. Итак, мне придется тащить остальное вино по этим проклятым дорогам. – И он сделал гримасу. – Однако я попрошу вас, сэр, – прибавил купец, обращаясь к сэру Эндрю, – немного уменьшить груз, приняв в подарок вам этот небольшой бочонок старого сладкого вина из лоз, которые растут на откосах горы Труида.

– Я хорошо помню его, – с улыбкой ответил сэр Эндрю. – Но, друг, я не хочу брать вина без платы.

Георгий услышал, и его лицо засияло.

– Как, благородный сэр? – произнес он. – Вы знаете мою родину, Кипр? О, я целую вашу руку и прошу вас не обижать меня отказом от этого маленького дара. Право, говоря

откровенно, я могу понести эту небольшую потерю, потому что хорошо торговал повсюду, даже здесь, у вас в Эссексе.

– Как вам угодно, – сказал сэр Эндрю. – Благодарю вас... А скажите, у вас на продажу есть что-нибудь еще?

– Да, конечно, вышивки; может быть, эта милостивая леди пожелает взглянуть на них? Есть и ковры, на которых, бывало, мусульмане молились своему лжепророку Магомету. – И, отвернувшись, он плюнул на пол.

– Вижу, что вы христианин, – сказал сэр Эндрю. – А все-таки, хотя я бился с ними, я знал многих очень хороших магометан. И я не считаю нужным плевать при имени Магомета. Я нахожу, что он был великий человек, обольщенный хитрыми уловками сатаны.

– Я тоже, – задумчиво сказал Годвин. – Истинные слуги креста должны сражаться с его врагами и молиться за их души, а не плевать на них.

Виноторговец с любопытством посмотрел на старика и Годвина, играя серебряным крестом, который висел на его широкой груди.

– Завоеватели святого города думали иначе, – сказал он, – когда они ехали к мечети Эль Акса, и их лошади по колени утопали в крови; меня тоже учили другому. Но теперь настали времена свободы, и в конце концов, имеет ли право бедный торговец, ум которого, к сожалению, больше занят барышами, чем страданиями благословенного сына Марии (тут он перекрестился), судить о таких высоких вопросах? Простите меня, я принимаю ваш упрек, так как, может быть, я слишком набожен.

А между тем этот «упрек» в тот же вечер спас жизнь многих людей.

– Могу я попросить, чтобы мне помогли справиться с этими свертками? – продолжал Георгий. – Так как я не могу развернуть их здесь, а также увезти бочки. Нет, маленький бочонок я отнесу сам, надеясь, что вы отведаете из него вина во время рождественского пира. С ним нужно обращаться осторожно, впрочем, боюсь, что ваши ужасные дороги не улучшили его качества.

И, перекатив бочонок с края телеги к себе на плечо, так, чтобы он остался стоять отвесно, Георгий легкими шагами направился к открытой двери в переднюю залу.

«Для человека нерослого он изумительно силен», – подумал Вульф, который шел за ним со свертком ковров.

Потом и остальные винные бочки доставили в каменный погреб под залой.

Оставив подле лошадей своего слугу, молчаливого, по-видимому, глупого черноглазого малого по имени Петрос, Георгий вошел в комнату и принялся распаковывать свои ковры и вышивки со всем искусством человека, воспитанного на базарах Каира, Дамаска или Никосии. Прекрасные вещи показал он: вышивки, слепившие глаза, циновки со множеством оттенков, но мягкие и блестящие, как мех выдры. Сэр Эндрю смотрел на них, и ему невольно вспомнились дни прошлого, и его лицо смягчилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.